

«Классика чистейшей воды»
Говард Филлипс Лавкрафт

УИЛЬЯМ ХОУП
ХОДЖСОН

ДОМ В ПОРУБЕЖЬЕ

Annotation

В глуши Западной Ирландии, на самом краю бездонной пропасти, возвышаются руины причудливого старинного особняка. Какую мрачную тайну скрывает дневник старого отшельника, найденный в этом доме на границе миров?..

Солнце погасло, и ныне о днях света рассказывают легенды. Остатки человечества укрываются от порождений кошмаров в колоссальной металлической пирамиде, но конец их близок – слишком уж беспросветна ночь, окутавшая земли и души. И в эту тьму уходит одинокий воин – уходит на поиски той, которую он любил когда-то прежде... или полюбит когда-то в будущем...

Моряк, культурист, фотограф, военный, писатель и поэт, один из самых ярких и самобытных авторов ранней фантастики, оказавший наибольшее влияние на творчество Г. Ф. Лавкрафта, высоко ценимый К. Э. Смитом, К. С. Льюисом, А. Дерлетом и Л. Картером и многими другими мастерами – все это Уильям Хоуп Ходжсон!

Уильям Хоуп Ходжсон
Дом в Порубежье



Предисловие переводчика

Читатель сейчас держит в своих руках книгу редкую и удивительную.

Редкую, потому что вошедшие в нее произведения трудно отнести к какому-либо привычному жанру. В них прекрасно уживаются друг с другом черты мистического романа, героической фэнтези и сентиментальной прозы – хотя и рассчитанной, пожалуй, скорее на мужчин, чем на женщин. Впрочем, книга эта произведет глубокое впечатление на любого читателя.

И удивительную – потому что... потому, что созданный воображением автора мир не имеет себе равных среди порожденных человеческой фантазией.

Достаточно сказать, что роману «Ночная Земля» посвящен действовавший до недавнего времени большой англоязычный сайт в Интернете^[1], где можно ознакомиться с мнениями читателей, иллюстрациями к зарубежным изданиям и картами загадочного Ночного Края. Книг, вызывающих такой интерес у читателей, на свете сущие единицы.

Несколько слов об авторе.

Уильям Хоуп Ходжсон родился 15 ноября 1877 года в семье англиканского священника, он был вторым из двенадцати детей. В тринадцать лет убежал из дома, чтобы поступить на флот, был пойман и возвращен назад, но в итоге добился своего и стал на корабле юнгой. Поработав матросом, Ходжсон сумел дослужиться до звания третьего помощника капитана. Пережитые унижения и побои со стороны старших и более сильных заставили его заняться физической подготовкой. Уволившись на берег, Ходжсон даже создал собственную спортивную школу, которая, впрочем, не приносила хорошего заработка, вскоре он решил заняться литературным трудом. Первый рассказ Ходжсона был напечатан в 1904 году, в 1912-м он женился, в 1914-м оказался на фронте в чине лейтенанта королевской артиллерии, а в 1918-м, в апреле, погиб во время сражения на Ипре.

Такая вот короткая жизнь: как на суше и на море, так и в литературе^[2].

Короткая, но оставившая весомый след.

Творчество Уильяма Ходжсона с каждым годом обретает все больше внимания со стороны отечественного и зарубежного читателя. В Англии издается полное собрание сочинений автора. Его переводят на иностранные языки. Приходит он и в Россию. Основными для творчества Ходжсона следует назвать два произведения, которые сегодня мы представляем читателю под одной переплетной крышкой: роман «Ночная Земля» и повесть «Дом в Порубежье». Блеск вымысла и полные тайн видения героев обеих книг уводят читателя из мира елизаветинской и викторианской Англии в края, открытые только фантазии, – в мир, пребывающий у конца времен, нарисованный в такой убедительной манере, словно сам автор действительно побывал в нем. Оба произведения соединены одной темой – темой вечности, темой любви, темой страха перед чудовищами, из внешней тьмы приходящими. Соединяет их и судьба главного героя, как бы разворачивающаяся одновременно в елизаветинской Англии и на остывшей Земле, под погасшим солнцем. Ночные видения Ходжсона, без всякого сомнения, стали одним из источников вдохновения для Г.Ф. Лавкрафта и многих других классиков литературы ужаса.

Повесть «Дом в Порубежье», бесспорно, является высшей точкой творчества Ходжсона. Сумеречная фантазия соединена здесь с умением зрелого мастера, властного над словом. Несколько иное место в творчестве Ходжсона занимает роман «Ночная Земля», его

последнее по времени публикации произведение, согласно недавно обнаруженным письмам автора оказывающееся едва ли не самым первым. При полном уважении к вымыслу и фабуле, критики, тем не менее, как правило, считают себя обязанными укорить Ходжсона за длинноты и псевдоелизаветинский стиль. Однако роман этот уникален. Укрывшая Землю черная Ночь, населенная силами Зла, и одинокий герой посреди нее производят глубокое впечатление. Таково одно из зерен, породивших жанр мистический, давшее первый побег фэнтези, наконец, это едва ли не первый ярчайший квест в истории литературы, если не считать произведений Артуровского цикла.

Тем не менее, замечания критиков романа небезосновательны, и посему мы предлагаем читателям перевод сокращенный. Однако из текста убраны только длинноты и стилевые шероховатости: ни один эпизод, ни один смысловой момент не утрачен. Этот замечательный роман предстает перед любителем мистического жанра в новом, максимально приспособленном для нашего времени облике.

Ю. Соколов

Дом в Порубежье

*Отцу Моему,
Чьи ступни попирают канувшие в небытие зоны*

Извлечение из Манускрипта, в 1877 году обнаруженного мессирами Тоннисоном и Беррегногом в руинах, лежащих к югу от деревни Крейгхтен на западе Ирландии.

Составлено с примечаниями

*Отвори дверь,
И внемли!
Слышишь: воеет ветер как зверь
И в небе земли
Слезы рядом с Луной,
Дальнему топоту ног внемли, человек,
Слушай и стой.
Это мертвые уходят навек.
Стой и внемли
Печальным вздохам
Ветра в темной дали.
Стой и внемли, без страха,
Этим шагам, что велят тебе умереть.
Шагам, что знают вечность и смерть
Стой и внемли! Молча внемли!*

Шаги мертвецов

Введение к Манускрипту

Многие часы провел я, размышляя над повествованием, с которым читатель сейчас ознакомится. Ощушая себя редактором, я то и дело чувствовал побуждение подвергнуть его соответствующей литературной обработке; однако полагаю, что права интуиция, заставившая меня оставить рукопись без изменений – во всей простоте, в какой она попала мне в руки.

Передо мной лежит Манускрипт... представьте себе, с каким любопытством я листал эту книжицу, увидев впервые небольшой, но объемистый томик, почти полностью – кроме самых последних страниц – исписанный беглым, но разборчивым почерком, строчки которого теснились друг к другу. Я пишу эти слова, вспоминая исходящий от страниц слабый запах сырости, пальцы мои еще ощущают мягкую шероховатую поверхность бумаги.

Нетрудно припомнить первые впечатления, оставшиеся после самого беглого просмотра книги.

А теперь попробуйте представить меня вечером: уютно устроившегося в кресле с глазу на глаз с небольшим, но увесистым томиком. И ту перемену, которой подверглось мое суждение о нем. Представьте, как приходило доверие. Под покровом, казалось бы, сказки, фантазии скрывалась вполне разумная и последовательная система идей, захватившая меня куда более надежной хваткой, чем сам сюжет этого дневника или литературного произведения. Трудно утверждать, чем на самом деле является Манускрипт, я склоняюсь к первому определению. Внутри малого повествования таится великое. И в сем парадоксе вовсе нет парадокса.

Я читал, и текст Манускрипта подымал перед моими глазами Занавес, скрывающий немислимое, не позволяющий разуму заглянуть в неизвестное. Нелегко было воспринять смысл неуклюжих и коротких предложений. Однако я не стану менять стиль: подобная лаконичность куда лучше моего собственного честолюбивого многословия способна открыть смысл того, что пережил старый Отшельник, обитатель исчезнувшего дома.

Мне нечего больше сказать об этом простом и незатейливом дневнике с его бесхитростным и незамысловатым рассказом о потусторонних и весьма необычайных материях. Дневник перед вами. И смысл его откроется каждому читателю – в меру способностей и желания. Тем же, кто сумеет не заметить в нем даже сейчас стоящие перед моими глазами картины того, что мы привыкли называть именами Рая и Ада, я обещаю просто захватывающее и ужасающее повествование, пусть для таких читателей Манускрипт останется всего лишь литературным произведением.

Наконец – чтобы потом не досаждать своим мнением, – должен заметить, что не могу не считать представление о «Сферах небесных» иллюстрацией (чуть не сказал доказательством) влияния наших мыслей и чувств на Реальность. Не ставя под сомнение существование Материи, сия идея позволяет представить себе существование миров мысли и чувства, совместно связанных и должным образом подчиненных схеме Творения.

Уильям Хоуп Ходжсон.

«Гланей Фион»

Борм, Кардиганшир

Горе

<Стансы эти я обнаружил на листе в формате фулзкапа^[3], вклеенном за форзацем Манускрипта. Судя по виду, лист этот был исписан карандашом еще до составления книги.>

Сжигает душу Скорбь.
Не ведал я, что мир
Лежащий под Господнею десницей,
Способен породить змею моей тоски,
Что истекла, должно быть,
Из адской сердцевины обиталища людей.

Каждый вздох мой сделался стоном,
Сердце бьется в тенетах разлуки,
И мысль одна не покидает душу:
Нигде – ни среди дня, ни ночью
Тебя я не увижу.
Только память осталась у меня —
О той, которая была, которой больше нет.

Скитался я полночными тропами
Повсюду возглашая твое имя,
Но не было ответа. И ночь
Отлилась в храм, и звездные
Колокола взрыдали обо мне,
Об одиноком среди толпы и людных городов.

Оставляя просторы земные,
Припадал я к отцу-океану.
Моля его об утешенье и покое,
Но ни просторы с белой пеной гребней,
Ни глубины с безднами морскими
Не знали – почему нам суждена разлука.
И теперь я один в этом мире,
В мире, открытом мне когда-то тобою,
И терзается сердце, и рвет его мука.
В бездну, ждущую все живое,
Тебя забрала разлука —
В Бездну,
Где ничего не было и ничего не будет.

Глава I

Находка

Далеко на западе Ирландии лежит крошечная деревушка, что называется Крейгхтен, уединенное местечко, расположенное у подножья отлогого холма. Вокруг простирается блеклая и совершенно негостеприимная пустошь, на просторах которой изредка можно набрести на руины давно заброшенного дома – лишённые крыши нагие каменные стены. Земля эта пустынна: мало кто селится в этом краю, где сама почва едва покрывает скалы, кое-где волнистыми гребнями выступающие над поверхностью.

Однако, невзирая на здешнее уединение, мы с приятелем моим Тоннисоном, решили провести здесь отпуск. Местечко это он обнаружил случайно, в прошлом году во время долгого пешеходного путешествия, приведшего моего друга в уголья, радующие рыбака – на маленькую безымянную речонку, что огибает окраины деревушки.

Я сказал, что у речки нет имени; могу лишь добавить, что ни на одной карте, к которой мне довелось обращаться, не смог найти ни потока, ни деревушки. Их словно бы никто не замечал; действительно, если следовать путеводителям, ни того, ни другого как бы не существует. Отчасти это можно объяснить тем, что ближайшая железнодорожная станция, Ардрахан, располагается в сорока милях отсюда.

И вот однажды, теплым вечерком, мы с приятелем прибыли в Крейгхтен. Предыдущей ночью мы высадились в Ардрахане и заночевали в комнатах, снятых в почтовом отделении, а утром в добрый час отправились в путь, цепляясь за сиденья экипажа местной работы.

На путешествие ушел целый день, худшей дороги невозможно представить, в конце концов мы устали, и хорошее расположение духа оставило нас. Однако, прежде чем можно было подумать о еде и об отдыхе, пришлось сперва поставить палатку и укрыть в ней свои пожитки. Поэтому мы приступили к работе и с помощью возницы справились с нею, устроившись на небольшом клочке земли возле реки.

Выгрузив свои вещи, мы отпустили возницу, он поспешно отправился восвояси, чтобы вернуться за нами через двадцать дней. Провизии должно было хватить на все это время, воду нетрудно брать из ручья. В топливе мы не нуждались, поскольку среди прочего прихватили масляную печурку, однако погода оставалась ясной и теплой.

Расположиться в палатке предложил Тоннисон. Он посчитал, что, устроившись на постой в одном из коттеджей, мы будем вынуждены разделить помещение с многочисленным и здоровым ирландским семейством, обитающим в одном углу его, и находящимся у противоположной стены свиным стойлом; тем временем гнездящиеся под крышей птицы будут беспристрастно и обильно наделять нас обоих своими дарами, а печь наполнит все помещение столь густым торфяным дымом, что снаружи и голову в дверь не просунешь.

Тоннисон разжег свою печурку и уже укладывал ломти бекона на сковороду, поэтому, взяв чайник, я направился к реке за водой. По пути мне пришлось миновать целую группу местных жителей, глазевших на нас спокойно и невозмутимо, впрочем, никто из них не обмолвился даже словом.

Возвращаясь назад с полным чайником, я подошел к ним и, поздоровавшись дружелюбным поклоном, на который они ответили подобным же образом, начал

расспрашивать их о рыбной ловле, но они молчали, качали головами и глядели на меня. Я повторил свой вопрос, обращаясь к рослому верзиле, оказавшемуся рядом со мной, и вновь не получил никакого ответа, потом он повернулся к сотоварищу и торопливо произнес нечто на непонятном мне языке, немедленно вся толпа разразилась какой-то тарабарщиной... через какие-то мгновения я догадался, что разговаривают они по-ирландски. Все то и дело поглядывали на меня. Так они переговаривались, должно быть, с минуту, а потом человек, к которому я обращался, повернулся ко мне лицом и что-то проговорил. По выражению его лица я догадался, что он в свой черед что-то спрашивал у меня; теперь головой покачивать пришлось мне самому, знаками давая понять, что не могу ответить; так мы стояли, переглядываясь друг с другом, пока я не услышал голос Тоннисона, торопившего меня с чайником. Слегка поклонившись, я с улыбкой оставил стоявших, те, также улыбаясь, начали кланяться мне в ответ, хотя на лицах заметно было недоумение. Очевидно, решил я, возвращаясь в палатку, что обитатели этих затерявшихся в глуши хижин не могли связать даже пары слов по-английски; когда я рассказал обо всем Тоннисону, он заметил, что знал об этом, более того, подобное неведение нередко в здешних краях, где человек зачастую проводит всю свою жизнь в уединенной деревне, ни разу не вступив в контакт с внешним миром.

– Нам следовало попросить возницу все растолковать этим людям, – заметил я, приступая к трапезе. – Их явно интересует, зачем мы явились сюда.

Тоннисон утвердительно буркнул что-то в ответ, а потом надолго умолк.

Позже, утолив голод, мы завели разговор о планах на завтра и, перекуриив, опустили полог шатра, чтобы приготовиться ко сну.

– Надеюсь, они ничего не стацат? – заметил я, пока мы заворачивались в одеяла.

Тоннисон отвечал, что на это можно надеяться, лишь если мы будем держаться неподалеку, и добавил, что все вещи, кроме самой палатки, придется спрятать в большом сундуке, в котором привезли с собой провизию. Я согласился с этим, и вскоре мы оба уснули.

На следующее утро мы встали пораньше и отправились поплавать в реке, потом оделись и позавтракали. Пока мы доставали рыболовные снасти и готовили их, съеденная пища успела улечься в наших желудках и, упрятав вещи внутри шатра, мы отправились вдоль ручья – туда, где мой приятель побывал во время предыдущего визита.

Целый день мы блаженствовали за ловлей и медленно передвигались вверх по течению, – к вечеру оказалось, что подобного улова мне не приводилось видеть уже давно. Возвращаясь в деревню, мы хорошенько перебрали добычу и, отделив для себя несколько самых лучших рыбин, прочие вручили местным жителям, из почтительного удаления наблюдавшим за нашими деяниями. Они были благодарны сверх меры и – как следовало предположить – обрушили на наши головы целую гору ирландских благословений.

Так мы провели несколько дней, посвятив их великолепному спорту, а волчий аппетит помогал нам разделяться с нашей добычей. Приятно было видеть, что селяне благосклонно относятся к нам: наши пожитки ни разу не обнаружили следов непрошеного вторжения.

В Крейгхтен мы прибыли во вторник, и в следующее воскресенье сделали великое открытие. Все предыдущие дни мы ходили вверх по течению ручья, но в тот день отложили свои рыболовные снасти и, прихватив провизию для долгой прогулки, отправились в противоположную сторону. День выдался теплым, мы шагали неторопливо и около полудня остановились перекусить на огромной плоской скале возле берега реки. Вволю посидев и

покурив, мы продолжили путь, лишь когда безделье нам наконец надоело.

Час, наверное, шагали мы, развлекаясь непринужденной и спокойной беседой о том и о сем, кое-где останавливаясь, чтобы мой спутник обнаруживавший известные художественные наклонности, мог сделать очередную зарисовку понравившегося пейзажа.

И тут – абсолютно неожиданно для нас – река, течению которой мы следовали, вдруг закончилась, нырнув под землю.

– Боже мой! – удивился я. – Кто мог бы подумать, что такое вообще возможно?

Какое-то время я предавался изумлению, а потом обратился к Тоннисону, который невозмутимо исследовал провал в котором, исчезла река.

Он сказал мне:

– Пойдем дальше. Река, наверно, может снова выйти на поверхность; в любом случае это место интересно исследовать.

Я согласился, и мы отправились дальше – в известной мере наугад, так как трудно было выбрать направление, в котором следовало продолжать поиски. Должно быть, мы прошли около мили, когда то и дело с любопытством оглядывавшийся по сторонам Тоннисон остановился, прикрывая ладонью глаза.

– Смотри! – сказал он чуть погодя и показал направление рукой. – Видишь справа какое-то облачко... если глядеть на ту большую скалу.

Я поглядел, и через минуту – как будто бы – что-то разглядел, но что именно, понять не мог и сказал об этом приятелю.

– Что же, – ответил мой друг, – придется подойти и поглядеть. И он направился в намеченную сторону, я следовал за ним. Вокруг появились кусты, и вскоре мы оказались наверху усеянного булыжниками откоса, под которым простирались заросли кустов и деревьев.

– Похоже, мы обнаружили оазис посреди каменистой пустыни, – пробормотал Тоннисон, с интересом оглядываясь. И тут же умолк, пристально вглядываясь в одну точку; последовав направлению его взгляда, я увидел в спокойном воздухе посреди лесистой низины туманный столб мелкой водяной пыли, на котором в лучах солнца играли бесчисленные отблески радуги.

– Как прекрасно! – воскликнул я.

– Да, – отвечал Тоннисон задумчивым тоном. – Там, конечно, обнаружится нечто вроде водопада. Возможно, там наша река вновь выходит из-под земли. Пойдем, посмотрим.

Мы спустились вниз по склону и вступили в заросли деревьев и кустарника. Кусты тесно переплелись, а ветви деревьев нависали над нами... в чаще царил неприятный полумрак. Впрочем, темнота не могла скрыть от меня, что деревья по большей части были плодовыми, а вокруг там и сям попадались давно уже сгладившиеся следы цивилизации. Так понял я, что путь наш лежит среди заросшего огромного древнего сада. Я сказал об этом Тоннисону, и он согласился – действительно, у нас были все основания для подобного предположения.

Но какой скорби и грусти была исполнена эта котловина! Мы продвигались вперед, и безмолвное одиночество, царившее в запустевшем старом саду, охватывало меня все сильнее... по коже забегали мурашки. Нетрудно было представить каких-нибудь страшных тварей, прячущихся за сросшимися кустами... даже в воздухе этого сада чудилось нечто зловещее. Похоже, что и Тоннисон чувствовал себя не лучшим образом, однако молчал об этом.

И вдруг мы остановились. Из-за деревьев до слуха нашего доносился глухой и неясный звук. Тоннисон, прислушиваясь, пригнулся вперед. Теперь и я отчетливо различал непрерывный и грубый отголосок какого-то дальнего рева. Странное, неопишное смятение обрушилось на меня. Что за сад окружает нас? Куда мы идем? Я поглядел на своего спутника, желая выяснить, что он думает обо всем этом, и отметил только недоумение на его лице; однако, пока я приглядывался к нему, черты лица друга моего прояснились, и Тоннисон проговорил, кивая уже с пониманием:

– Это же водопад. – В голосе его звучала уверенность. – Я понял, что служит причиной рева.

И, раздвигая перед собой кусты, он поспешно отправился в сторону звука.

По мере нашего продвижения вперед звук сделался отчетливее – мы явно приближались к его источнику. Рев становился все громче и раздавался все ближе, пока, наконец, не показалось, – я немедленно сказал об этом Тоннисону, – что он исходит прямо из-под наших ног, хотя нас по-прежнему окружали кусты и деревья.

– Осторожно! – окликнул меня Тоннисон. – Смотри, куда идешь...

Тут оказалось, что деревья окончились, и мы вышли на самый край огромной поляны... не далее как в шести шагах от нас зияло жерло чудовищной пропасти, извергавшей помимо звука целую тучу подобной туману водяной пыли, которую мы и заметили с вершины откоса.

Минуту мы постояли в молчании, возбужденно оглядывая окрестности, а потом друг мой осторожно приблизился к краю пропасти. Я последовал за ним, и сквозь клубящееся облако водяной пыли мы принялись разглядывать шипящий чудовищный пережат, вздувавший белую пену почти в сотне футов под нами.

– Боже мой! – вымолвил Тоннисон.

Я молчал, ощущая в известной степени благоговение, настолько величественным и жутким оказалось это зрелище, а зловещей природе которого я узнал несколько позже.

Наконец я поднял взгляд вверх – к противоположному краю пропасти – и над облаком водяной пыли увидел нечто похожее на величественные руины. Я притронулся к плечу Тоннисона. Тот вздрогнул, оглянулся, и я указал ему на сооружение. Взор моего друга обратился в соответствующую сторону, и в глазах его вспыхнуло возбуждение.

– Идем, – крикнул он, перекрывая грохот воды. – Придется хорошенько все разглядеть. Тут мне чудится какая-то тайна... я просто нутром ощущаю ее.

И он пустился вперед вдоль края округлого жерла пропасти. Мы действительно приближались к неизвестному сооружению, – теперь я уже видел, что не ошибся. Сомнений не было – перед нами выселись руины какого-то разрушенного здания, но мне сделалось уже ясно, что сооружение это располагалось не на самом краю пропасти, как это мне сперва показалось, а гнезилось над вершиной утеса, возвышавшегося над краем ее футов на пятьдесят-шестьдесят. Ощерившиеся камнями руины словно висели над облаком водяной пыли. С противоположного края мы поднимались по выступающему отрогу скалы; должен признаться, я испытал неодолимый ужас, бросив взгляд с головокружительных высот в неизведанную бездну под нами... в глуби земные, где грохотала вода, вздымая кверху облако пыли.

Добравшись до руин, мы осторожно обошли их и на противоположной стороне наткнулись на груды упавших камней и обломков. Я разглядывал стену, и мне казалось, что передо мной внешняя стена какого-то огромного сооружения, настолько мощной и прочной она была, но, тем не менее, не понял, каким было здание и зачем его здесь построили. Где

же остальная часть этого дома, замка... или чего-то другого?

Я отправился к внешней стороне стены – к самому краю пропасти, оставив Тоннисона копать среди камней и обломков, и приступил к изучению поверхности земли возле самого края обрыва, чтобы выяснить, не обнаружится ли там других следов сооружения, от которого остались одни руины. Но самым тщательнейшим образом обследовав поверхность земли, я так и не нашел никаких следов здания, прежде стоявшего на этом месте... изумление мое возрастало и возрастало.

Тут до меня донесся зов Тоннисона: он взволнованно выкрикивал мое имя, и, без промедления, я поспешил вдоль скалистого выступа обратно к руинам. Я боялся, что он чем-то поранился, и только потом понял: Тоннисон наверняка нашел нечто особенно интересное.

Добравшись до обрушившейся стены, я обошел ее и обнаружил Тоннисона посреди небольшой ямы, выкопанной им в осыпи; мой приятель как раз стряхивал грязь с похожего на книгу предмета – мятого, ветхого – и каждую секунду или две выкрикивал мое имя. Завидев меня, он немедленно вручил мне свою добычу и распорядился, чтобы я убрал ее в свой мешок, подальше от влаги, пока он будет доканчивать свои исследования. Так я и поступил, сперва, впрочем, бегло перелистав страницы, тесно исписанные вполне разборчивым аккуратным старомодным почерком... лишь посредине грязь и сырость испортили много страниц – там, где книжку перегнули пополам. В таком положении, по словам Тоннисона, он и нашел ее... повреждения эти, по всей видимости, были причинены камнепадом. Любопытно заметить, что книга оказалась сухой, так как камни надежно укрывали ее от влаги.

Упрятав томик в надежное место, я вернулся и предложил Тоннисону свою помощь в затеянных им раскопках; после часа работ, перевернув едва ли не всю грудку обломков и камня, мы не нашли ничего кроме ломаных досок, возможно составлявших часть стола или скамьи; наконец мы оставили поиски и спустились по скале обратно – к надежной земле.

Потом мы обошли кругом огромную пропасть... казалось, что ее ограничивает почти идеальная окружность, из которой, нарушая симметрию, выдавалась лишь увенчанная руинами скала.

Тут Тоннисон заметил, что наша бездна представляет собой не что иное, как колодец или жерло, уходящее в самые недра земли.

Потом мы вновь обратились к окрестностям и, заметив прогалину к северу от пропасти, обратили к ней свои шаги.

Здесь – в удалении от огромного жерла – располагалось большое и тихое озеро; гладкую поверхность его лишь в одном месте возмущало бурление струй.

Удалившись от пасти бездны, мы могли теперь спокойно говорить друг с другом, могли слышать слова, произносимые не на пределах возможностей голоса, и, интересуясь мнением Тоннисона обо всем этом урочище, я сказал, что оно мне не по душе и чем скорее мы оставим его, тем лучше.

Он кивнул в ответ и бросил короткий взгляд за спину – в сторону зарослей. Я спросил, в чем дело, полагая, что он услышал что-то или увидел. Тоннисон не ответил... он молча прислушивался, я тоже не нарушал безмолвия.

Вдруг он заговорил:

– Внемли! – прозвучало отрывистое слово. Я мельком поглядел на него – а потом повернулся в сторону леса и невольно затаил дыхание. Минута прошла в напряженном молчании, я ничего не слышал и уже повернулся к Тоннисону, чтобы сказать об этом; но не

успел раскрыть рот, как из леса слева от нас донесся заунывный вой, проплывший среди деревьев, потом зашелестели листья, и настала тишина.

Тут Тоннисон положил мне ладонь на плечо.

– Идем отсюда, – проговорил он и неторопливо направился в ту сторону, где кусты и деревья казались реже. Последовав за ним, я заметил, что солнце уже опустилось, а в воздухе почувствовался холодок.

Тоннисон молча шагал вперед. Мы оказались уже среди деревьев; я то и дело нервно оглядывался, но ничего не замечал – кроме неподвижных ветвей, стволов и густых зарослей. Мы шли дальше, и ни один звук не нарушал тишины, только изредка под нашими ногами похрустывали ветви. Но, несмотря на безмолвие, я с ужасом ощущал: мы здесь не одни. Я буквально жался к Тоннисону и дважды неуклюже наступил ему на пятки... оба раза он промолчал. Минута, другая, и мы наконец достигли окраины зарослей, за которыми начиналась привычная скалистая пустошь. Только тут сумел я избавиться от ощущения ужаса, никак не оставлявшего меня в чаще.

Мы удалялись, и когда издали вновь донесся этот вой или стон, я постарался убедить себя в том, что виной тому ветер, – хотя вечер был совершенно тихий.

Наконец Тоннисон заговорил.

– Знаешь что, – решительно произнес он, – я не решился бы заночевать в этой чаще даже за все богатства мира. Есть в ней нечто нечистое... бесовское. Я вдруг понял это после твоих слов. Почему-то мне показалось, что весь этот лес кишит мерзкими тварями, – ты ведь и сам ощутил это!

– Да, – отвечал я, озираясь, но урочище уже было скрыто от нас склоном холма.

– А вот и книга, – проговорил я, запуская руку в мешок.

– С ней все в порядке? – внезапно спросил мой друг обеспокоенным тоном.

– Да, – отвечал я.

– Быть может, – продолжил он, – она кое-что нам расскажет, когда возвратимся в палатку. Давай поторопимся, идти еще далеко, а я не хочу, чтобы тьма застигла нас на открытом месте.

К своей палатке мы добрались часа через два и немедленно принялись готовить еду, потому что не ели с самого полудня.

Покончив с ужином, мы убрали за собой и разожгли трубки. Тут Тоннисон попросил меня извлечь Манускрипт из ранца. Так я и поступил, и, поскольку читать его вместе было неудобно, Тоннисон предложил мне читать вслух.

– Но не смей, – предупредил он, зная мои наклонности, – пропускать каждую вторую страницу.

Но если бы друг мой мог предположить, что содержит в себе эта книга, то, конечно, воздержался бы от столь неуместного предупреждения. Так, усевшись возле входа нашей небольшой палатки, начал я читать странный рассказ под заглавием «Дом в Порубежье», выведенном на обложке Манускрипта, содержание которого и передаю на последующих страницах.

Глава II

Равнина Молчания

Я – старик. Я живу в этом древнем доме, посреди огромного дикого сада.

Крестьяне, обитающие в этой глуши вдали от моего дома, уверены, что я безумен. Должно быть, потому, что у меня с ними нет ничего общего. Я живу здесь вместе со старушкой-сестрой, которая ведет наше хозяйство. Слуг у нас нет – я не терплю их. Компанию мне составляет единственный старый друг – пес Рыжик, и пусть гибнет весь мир, пока он остается со мною. Уж он-то умеет меня понимать... ему хватает ума, чтобы не докучать мне, когда я не в духе.

Я решил завести дневник, чтобы занести в него свои думы и впечатления, которые могу поверить только бумаге, но превыше всего стремясь описать странные события, очевидцем которых довелось мне быть за долгие годы, в одиночестве прожитые мною в этом зловещем и старом доме.

Дом этот пользовался дурной репутацией еще пару столетий назад, и когда я купил его, пустовал уже более восьмидесяти лет; посему мне и удалось приобрести поместье за смехотворно низкую цену.

Я не суеверен, но давно не могу отрицать, что в древнем жилище моем творится нечто... я не могу дать объяснения этим событиям, а потому вынужден облегчить свою душу, описав подробно все, о чем знаю; впрочем, трудно сомневаться, что, если после смерти моей дневнику суждено попасть в чьи-то руки, читатель будет в сомнении качать головой, в сердце своем именуя меня безумцем.

Дом мой, насколько же он древен! Тем не менее, возраст его потрясает все же в меньшей степени, чем обличье – причудливое и фантастическое. Крутобокие башни с витыми шпилями языками пламени взмывают над крышей округлого здания.

Я слышал одно предание: местные жители утверждают, что построил этот дом сам дьявол. Что ж... возможно. Но так оно или иначе – мне все равно, если забыть о том, что рассказы эти позволили сбить цену, когда я приступил к покупке.

Я успел прожить в нем около десяти лет, прежде чем начали подтверждаться досужие разговоры. Не спорю, не менее дюжины раз и до этого приходилось мне видеть здесь кое-что удивительное, а еще чаще – ощущать в большей мере, чем видеть. Но прошедшие годы привели за собою старость, и я часто ощущаю нечто невидимое в пустынных комнатах и коридорах. Как я уже говорил, много лет миновало, прежде чем довелось мне увидеть воистину... скажем так: сверхъестественные события.

Это был не канун Дня всех святых. Если б я писал свою повесть развлечения ради, то – возможно – события и начались бы именно в эту ночь, но мой рассказ лишь о том, что действительно было... ради чужого удовольствия я не стал бы даже прикасаться к бумаге. Нет. Все случилось, когда миновала полночь, и близилось утро двадцать первого января. По привычке я сидел и читал у себя в кабинете. Рыжик дремал возле моего кресла.

И вдруг пламя двух свечей сперва затрепетало, а потом вспыхнуло призрачным зеленоватым светом. Я немедленно глянул на них, но язычки огня потускнели, обретая багряный оттенок... странные алые отблески легли на столы и кресла, окрасили тени кровью – словно разбрызгавшейся по всей комнате.

С пола донесся слабый испуганный визг, нечто ткнулось в мои ноги... это был Рыжик, пытавшийся забиться под полы моего халата... Рыжик – обычно отважный, как лев!

Лишь тревога собаки, как мне кажется, впервые заставила меня почувствовать истинный страх. Конечно же, я несколько испугался, когда свечи загорелись сначала зеленым, потом красным огнем, но решил, что причиной всему какой-нибудь газ, просочившийся в комнату. Правда, я успел увериться, что это не так: свечи горели ровным огнем, и пламя их не гасло, как было бы, если бы цвет пламени менялся под действием какого-то летучего газа.

Я не шевелился. Да, я испытывал явный испуг, но не мог ничего предпринять – оставалось лишь ждать. Быть может, с минуту я с тревогой оглядывал комнату. И заметил, что свет свечей действительно стал угасать, наконец огоньки их рубинами заблестели в сгустившейся тьме. Но я по-прежнему ждал, и сонное безразличие, крадучись, охватывало меня, изгоняя страх, подступавший все ближе и ближе.

Тут, поодаль, на противоположном конце огромной старинной палаты, я заметил странное свечение. Оно медленно усиливалось, наполняя комнату пляшущими зелеными отблесками, сразу же начинавшими тускнеть и разом преобразившимися – едва погасли свечи – в глубокий и мрачный багрянец, жутким своим свечением затопивший всю комнату.

Свет этот исходил от противоположной стены, он становился все ярче и ярче; наконец, сделался нестерпимым, уже начинал резать глаза, я непроизвольно сомкнул веки и сумел вновь открыть их только через несколько секунд. И сразу же понял: свет померк и уже не причинял боли, а когда он еще более ослаб, я вдруг обнаружил – буквально в какой-то миг, – что алая стена словно растаяла и я как бы вижу сквозь нее и за нею.

Постепенно, пока я свыкался с этой мыслью, мне стало казаться, что передо мной простерлась огромная равнина, залитая тем же закатным светом, что теперь наполнял комнату. Пределов ее невозможно было постичнуть; ни в одном месте не мог я увидеть границ равнины. Даль ширилась и уходила во все стороны, так что глаз не знал ей ни конца, ни края. Постепенно неподалеку начали проступать какие-то детали, и буквально в миг – когда разом угас этот свет – с ним пришло и видение, если только это было видением.

Я вдруг понял, что более не сижу в кресле, а словно парю над ним, над темным и безмолвным силуэтом человека, застывшего возле стола. Внезапно налетевший порыв холодного ветра, вынес меня наружу, во тьму, и как пылинку повлек неведомо куда. Холод ледяным плащом окутал меня, и я затрепетал.

Потом я поглядел направо, налево... вокруг царил нестерпимый мрак, и лишь вдали его пронзали ясные лучи. Я летел все дальше и дальше и, обернувшись назад, увидел Землю, голубым полумесяцем удаляющуюся за левое плечо. В стороне ярко-белым пламенем горело Солнце.

Не знаю, сколько прошло времени. Помню, в последний раз я видел Землю – лучистый голубой шарик, исчезающий в вечном эфире. А я – пылинка души, хрупкое облачко – пронзал пустоту, уносясь от этой небесной синевы в неведомые просторы.

Миновало еще много времени... теперь я не видел уже ничего. Позади остались звезды, я растворялся в той чудовищной тьме, что сторожко замерла позади них. Прежде я не чувствовал ничего – разве что легкость и холод. Но теперь свирепая тьма начинала вползать в мою душу, наполняя ее страхом и отчаянием. Что будет со мной? Куда меня уносит? Но не успели оформиться эти мысли, как едва ли не вещественная тьма вокруг озарилась кровавым багрянцем, поначалу очень слабым и как бы туманным, но уныние сразу же оставило меня, отчаяние исчезло.

Багряные отсветы впереди медленно становились ясней и ясней; и наконец превратились в мрачный и неяркий свет, полный опасной мощи. Но я все летел вперед и, наконец, свет этот превратился в огромный кровавый океан, распростершийся внизу подо мной. Я не видел ничего иного – кроме его бесконечных просторов.

Потом я обнаружил, что опускаюсь прямо в огромное море пухлых багрянеющих облаков. Медленно я пронзал их в своем полете, и вот, наконец, подо мной распростерлась равнина, которую видел я из своего дома, стоящего на границе с Молчаньем.

Наконец я опустил на самую почву и встал одинокий посреди пустыни. Мрачен был свет над нею, вселявший в душу немислимую тоску.

Вдали в правой части неба багровело кольцо темно-красного пламени, от внешней окружности его исходили огромные языки... извивавшиеся, трепетавшие, протягивавшиеся во все стороны. Внутри кольца была чернота, как в той вечной ночи, что окружала меня. Солнце ночи – решил я – и светит под стать своему имени.

Оторвав свой взор от странного светила, я обратился к окрестностям. Но повсюду – куда ни глянь – лежала та же безграничная и плоская равнина; нигде на ней не различал я признаков жизни, даже былой – хотя бы позабытых руин древнего поселения.

Постепенно я заметил, что меня несет над этой ровной пустыней. Целую вечность, должно быть, я устремлялся вперед, не чувствуя нетерпения: любопытство и изумление не покидали меня. Но вокруг оставалась та же равнина; я все время старался заметить хоть что-нибудь способное нарушить ее однообразие... но не было перемен – только одиночество, безмолвие и пустыня внизу подо мной.

Наконец, почти неосознанно, я заметил вдали клубы какого-то тумана над ее поверхностью, не осознавая еще – не облака ли предстают передо мною, ибо туман сливался с равниной, придавая ей особую неправдоподобность, делая нематериальной.

Однообразие уже начинало меня утомлять. Но не скоро я увидел вдали первые признаки места, к которому меня уносило.

Сперва впереди на поверхности равнины показался как бы маленький пригорок. И лишь подлетев поближе, я понял: не холмик передо мной, но могучий горный хребет, чьи великие пики рвались ввысь, растворяясь в кровавом мраке.

Глава III

Дом на Арене

Долго я приближался к этим горам. Тут направление моего путешествия изменилось – меня понесло вдоль их подножья и наконец как бы вдруг я очутился перед огромным ущельем, уходящим в глубь гор, и устремился по нему с той же скоростью. С обеих сторон ступенями вздымались вверх крутые стены – словно бы каменные. Далеко впереди под неприступными пиками тонкой ленточкой алел выход из ущелья. Но я продвигался вперед, и наконец ущелье закончилось, выпустив меня в глубокий багрянец.

Налетали минуты и отлетали... и вот передо мной уже открылся просторный амфитеатр, раскинувшийся среди гор. И я сразу забыл тогда об этих вершинах, об их ужасном величии, настолько переполнило меня изумление: в нескольких милях передо мной, в центре Арены, высилось колоссальное сооружение, словно бы вырезанное из зеленого нефрита. Но потрясло меня совсем не то, что здесь вдруг обнаружилось зеленое здание. С каждым новым мгновением я все отчетливей понимал, что лишь цветом и колоссальным размером отличалось это одинокое сооружение от дома, в котором я обитаю.

И я не мог отвести от него глаз, не мог поверить своим глазам.

«Что это значит? – вопрос возникал снова и снова. – Что это значит?» – но не было ответа. Тщетно напрягал я воображение, ощущая лишь страх... и удивление. Долго созерцал я, и, наконец нечто еще незнакомое почудилось мне в этом сооружении. Тогда, утомленный и потрясенный, я отвернулся, чтобы осмотреть странное место, куда меня принесло.

Так увлечен я был до тех пор созерцанием Дома, что лишь изредка обращал к окрестностям случайный взгляд. Теперь я начал понимать, где оказался. Арена – так я назвал ее – оказалась правильным кругом миль десяти или двенадцати в диаметре; Дом, как я уже упоминал, располагался в самом ее центре. Над поверхностью Арены, как и над Равниной, висела мгла, сотканная, однако, не из тумана.

Взгляд мой поднялся выше – к склонам обступивших Арену гор. Сколь же молчаливы были они... Страшней их молчания ничего не видел я прежде и не представлял себе. Я глядел вверх на великие пики, на островерхие башни вершин. Их окутывал странный, словно осязаемый багрянец, размывавший очертания скал своим покровом.

И пока я любопытствовал, обнаружился новый ужас. Вдалеке по правую руку медленно проявлялся черный исполинский силуэт. Он рос прямо на моих глазах. Плечи гиганта венчала ослиная голова с огромными ушами, взгляд его неотрывно был устремлен на Арену. Такова была поза его, что я сразу же понял: целую вечность сторожит он эту Арену, не отводит взгляда от сердцевины жуткого амфитеатра. Облик чудовища постепенно делался все более ясным, и тогда взгляд мой вдруг сам перепрыгнул к другому, что сидело выше и дальше среди утесов. Долго глядел я, со страхом, странным образом угадывая в этом обличье нечто знакомое... издавна обретавшееся на задворках моего ума. Новая тварь была черной и имела четыре руки. Черт я не мог разглядеть. Вокруг шеи белели пятна, не скоро смог угадать я в них черепа. Ниже чудище охватывал еще один пояс, проступавший на темном фоне. И тогда удивленный ум наконец подарил отгадку: передо мной была чудовищная Кали, индусская богиня Смерти.

Воспоминания, оставшиеся от студенческих дней, хлынули в мою память, взгляд мой

вернулся к твари, увенчанной головою осла. Тут я понял, что передо мною египетский бог Сет, или Сетх, Губитель Душ. А следом волной прихлынул вопрос – их двое, но!.. Я принялся думать. Недоступные воображению образы хлынули в перепуганный ум. Внутреннее око не могло различить их. Старые боги, древние мифы! Тщетно силился я понять смысл увиденного. Взгляд мой метался между обоими силуэтами. Что, если...

И я обернулся, торопливо обшаривая взглядом мрачные скалы по левую руку. У подножия огромного пика серело пятно. И я удивился тому, что не сумел различить этого гиганта, а потом вспомнил, что еще не глядел в эту сторону. Силуэт, как я уже говорил, был серым. Венчала тело огромная слепая голова, лишенная даже глазниц.

И тут я понял, что вокруг есть и другие. Вдалеке на уютном карнизе расплылась призрачная синевато-серая масса, словно лишенная очертаний, лишь мерзкая звериная морда злобно глядела откуда-то из середины. И вдруг я понял – чудищ вокруг были сотни. Они словно выростали из теней. Нескольких я узнал – божества из знакомых мне мифов, – очертания других были непостижимы для человеческого разума.

По обе стороны глядел я и видел все больше и больше. Горы надо мной полны были странных тварей... Зверобогов, кошмарных, настолько свирепых, лишенных даже признаков человечности, что я не смею описывать их. Сам же я... исполнился непереносимого ужаса и отвращения и все-таки не мог скрыть удивления: выходит, есть малая истина в древнем язычестве, и в богах его нельзя видеть лишь обожествленных людей, животных и стихий? Так думал я, заново осознавая основы.

А потом подумал, что же предстало передо мной... Кто эти твари – Зверобог и прочие? Поначалу я решил, что вижу лишь скульптуры Чудовищ, разбросанные вольной рукою среди недоступных пиков и крутых обрывов. Но когда я внимательно разглядел эти фигуры, стало понятно: какая-то застывшая жизнь, проступавшая в их очертаниях, говорила пылливому разуму моему, что есть и жизнь-в-смерти... не та жизнь, какой мы видим ее, скорее, нечеловеческая форма бытия, нечто вроде транса, не знающего смерти, в котором существование длится едва ли не вечно. Бессмертье! – непрошеным вырвалось слово, и я удивился: неужели и вправду таково бессмертье ложных богов.

Но, пока я размышлял и дивился, случилось другое. Все это время я оставался в тени, возле выхода из огромного ущелья. И вдруг, ни мало того не желая, выплыл из полумглы и через Арену медленно направился к Дому. Тут я забыл о гигантах, высившихся надо мной, и не отводил взгляда от колоссального сооружения, к которому приближала меня чья-то не знающая жалости воля. Я смотрел и смотрел вперед, но не смог различить ничего нового и постепенно стал успокаиваться.

Наконец, ощущая беспредельное одиночество, окруженный безмолвием, достиг я места на полпути между ущельем и домом. Неумолимо близилось огромное сооружение. И тут из-за одной из башен Дома появилось нечто, сразу приковавшее к себе мой взгляд. Передо мной оказался гигант, двигавшийся странной походкой, почти прямой, похожей на человеческую. Тварь была без одежды и как бы светилась изнутри. Но вместо лица... я ужаснулся... у нее была морда свиньи.

Молча, сосредоточась, разглядывал я ужасную тварь и замороженный движениями гиганта забыл обо всех других страхах. Чудовище неуклюже обходило здание, останавливалось, заглядывало в окна, трясло решетки, которыми закрывались они здесь, как и в доме моем; а когда оказывалось возле двери, то начинало толкаться в нее, украдкой щупая петли. Тварь эта явно хотела проникнуть в Дом.

Теперь я был уже лишь в четверти мили от огромного здания, и меня по-прежнему увлекало вперед. И тут эта тварь обернулась, обратив ко мне свой мерзкий взор. А потом разверзла пасть, и впервые тишину этого мерзкого места нарушил звук – словно бы рокот, пробудивший во мне недобрые предчувствия. И тогда я заметил, что чудище уже несется ко мне – безмолвно и быстро. В какое-то мгновение оно уже покрыло половину разделявшего нас пути. Но я, беспомощный, все еще приближался к нему. Нас уже разделяла лишь сотня ярдов, и непередаваемо свирепая морда гиганта повергла меня в непередаваемый ужас. Наверно, я закричал, не в силах вынести страха, но – буквально в последний момент – понял, что уже сверху гляжу на арену, удаляющуюся от меня, уходящую все ниже и ниже. Я поднимался, и за непостижимо короткий миг оказался высоко над Ареной – в нескольких сотнях футов. Внизу же – там, где только что пребывал я, – встав на четвереньки, как подобает мерзкой хавронье, гигант с мордой свиньи рыл пяточком поверхность Арены. А потом поднялся на ноги, поглядел вверх, и морда его озарилась вожделием, какого мне еще не приходилось видеть.

Я поднимался все выше и выше и буквально за считанные минуты вознесся над горами и поплыл в одиночестве в дальний багрянец. Далеко внизу подо мной исчезала Арена. Крошечной точкой зеленел на ней огромный Дом. Свиногиганта не было видно.

Наконец, миновав горы, я выплыл к равнине. Далеко впереди, под солнцем-кольцом что-то мелькнуло. Я поглядел с безразличием. Вспомнилось – я видел это светило перед тем, как передо мною открылся загадочный амфитеатр.

С усталостью возвел я глаза к огромному огненному колесу. Странное было зрелище! И пока я смотрел, из центра черного диска ударил невероятно яркий огонь. По сравнению с черным кругом крохотным казался мне язык этого пламени, но я знал – он был невероятно огромен. С пробудившимся интересом я внимательно всматривался, следил, как померк и растаял пламенный след, а потом – буквально в мгновение – все потускнело, померкло и сразу исчезло из вида. Удивленный, я вновь поглядел на равнину, над которой по-прежнему поднимался. Тут удивление лишь увеличилось: равнина исчезла, и лишь море тумана рдело внизу. Постепенно это море растаяло в отдалении среди неизмеренной ночи, и потом исчезла и ночь, а я остался среди лишенной света неосязаемой темноты.

Глава IV

Земля

Во тьме пребывал я, и лишь память о том, что я уже пережил этот мрак на пути сюда, помогла мне сохранить рассудок. Шло время, века миновали. Лишь тогда впереди показалась звезда – первая, на самой границе вселенной. И вот она уже позади, и повсюду во всей великолепии своем меня окружают звезды. Потом – уже через годы – я заметил солнце: пылающий огонек, а рядом светлые точки – планеты, кружащие возле светила. Так я снова увидел Землю – крошечную и голубую.

Время приходило и уходило, наконец я вступил в тень нашего мира, погружаясь в покойную и святую ночь Земли. Над головой мерцали знакомые созвездия, сиял полумесяц луны. Но тут, когда я был уже совсем рядом с Землей, мрак охватил меня – я словно бы погрузился в черный туман. Потом я забылся и какое-то время не ощущал ничего. Очнулся не скоро – от слабого далекого визга, становившегося все отчетливей. Безысходная мука охватила меня. Я отчаянно пытался вздохнуть, пытался вскричать. Мгновение, и я уже задышал свободно. Мою руку лизал чей-то язык. Нечто влажное прикоснулось к моему лицу. Я услышал пыхтение, сменившееся повизгиванием. Теперь звук показался знакомым моему слуху, и я открыл глаза. Вокруг было темно, но нелегкое чувство уже оставило меня. Я сидел в кресле, рядом кто-то визжал и лизался ко мне. В странном смятении, инстинктивно я попытался оградиться от лижущего языка. Голова моя казалась совершенно опустошенной, какое-то время я не был способен ни к мысли, ни к действию. А потом память вдруг возвратилась ко мне, и я сумел только вымолвить: «Рыжик»... Ответом стал радостный лай и новый приступ лихорадочной ласки.

Через некоторое время я ощутил, что силы возвращаются ко мне, и потянулся за спичками. На ощупь отыскав коробок, я зажег спичку и принялся в смятении оглядываться. Меня окружала привычная обстановка. Но я сидел, оцепенев и недоумевая, пока огонек не опалил мои пальцы: я выронил спичку; боль и гнев привели в движение мои уста, и звуки собственного голоса изумили меня.

Потом я зажег новую спичку и, оступаясь, побрел через комнату, чтобы зажечь свечи. И сразу увидел: они не догорели... их словно бы погасили.

Вверх взвились огоньки, я повернулся и стал разглядывать кабинет... ничего необычного не было, разом нахлынуло раздражение. Что же случилось со мной? Обхватив голову руками, я пытался припомнить. Ах да! Безмолвная огромная равнина и кровавое колесо солнца над нею. Где же, в каких краях светит такое светило? Где это было? Давно ли? Я был ошеломлен, в голове царил беспорядок. Разок-другой, неровно ступая, я прошелся по комнате. Ослабленная память не торопилась возвращаться ко мне.

Помню, я нервничал, брюзгливо ругался. А потом ощутил слабость и головокружение, пришлось даже ухватиться за стол, чтобы не упасть. Я сумел устоять, а потом боком осел в кресло. Через некоторое время мне стало лучше, и я сумел добраться до буфета, в котором всегда держу печенье и бренди. Налил себе бодрящей жидкости и выпил ее. Прихватив горстку печений, возвратился в кресло и с волчьим голодом принялся пожирать их. Подобная жадность к пище удивила меня. Казалось, я не ел бесконечно давно.

За едой я оглядывал комнату, взгляд мой впитывал все детали и бессознательно рыскал,

пытаясь нащупать какой-нибудь ключ к незримым тайнам, что окружали меня. Конечно, думал я, конечно же, непременно должно обнаружиться нечто странное. И в тот самый момент взгляд мой упал на часы, стоявшие в противоположном углу. Я замер забыв про еду. Доносившееся тиканье свидетельствовало, что они идут, но стрелки показывали теперь, что до полуночи осталось совсем немного, хотя я помнил, что двенадцать они отзвенели задолго до начала тех странных событий, которые я только что описал.

Быть может, я поддался изумлению только на миг. Если бы стрелки оставались на прежнем месте, можно было бы решить, что они просто застряли и пружина тщетно пыталась сдвинуть их с места... не могло быть и речи о том, чтобы стрелки сами собой перевелись назад. Но, несмотря на усталость, я все-таки сообразил, что вот-вот наступит двадцать второе число, а значит, я провел без сознания чуть ли не целые сутки. Минуту я размышлял, прежде чем вновь приступить к еде, ибо голод еще не оставил меня.

Утром за завтраком я, как бы случайно, спросил у сестры, какое сегодня число. Оказалось, что моя догадка точна и дух мой действительно отсутствовал на Земле весь день и начало ночи.

Сестра не задавала вопросов; мне и прежде случалось проводить за занятиями в кабинете день-другой – если книга или работа особенно увлекали меня.

Шли дни, но я все думал над смыслом того, что довелось мне увидеть в ту памятную ночь, и удивлялся, впрочем, прекрасно осознавая, что любопытству моему едва ли суждено удовлетвориться.

Глава V

Тварь в Яме

Мой дом, как я уже говорил, окружен огромным поместьем и одичавшим садом.

За ним примерно в трех сотнях ярдов располагается глубокая и темная расщелина, «Яма», как ее называют крестьяне. По дну ее лениво плетется поток, еле видный сверху из-за деревьев.

Кстати, должен упомянуть, что река эта течет под землю, с востока втекая в ущелье и исчезая в его западном конце под утесами.

Через несколько месяцев после той ночи когда грезил я о великой Равнине – видение ли то было? – мысли мои обратились к Яме.

Так случилось, что я гулял возле южного края ее, когда от обрыва оторвались несколько глыб камня и сланцевой глины и с грохотом рухнули вниз, ломая ветви деревьев; после всплесков внизу наступила прежняя тишина. Я не стал бы уделять особого внимания обвалу, однако Рыжик вдруг залился яростным лаем и не умолк даже, когда я приказал ему замолчать; подобное поведение для пса моего весьма необычно.

Заподозрив, что в Яме затаилось нечто живое, я быстро вернулся к Дому за палкой. А когда возвратился к Яме, Рыжик уже не лаял, но глухо ворчал, обнюхивая землю вдоль края обрыва.

Свистом подзвав пса к себе, я начал осторожно спускаться. Глубиной Яма была около ста пятидесяти футов и, потратив достаточно времени и усилий, мы с Рыжиком наконец благополучно достигли ее дна.

Тут мы немедленно приступили к обследованию берегов реки. Под нависающими ветвями деревьев было сумрачно, и я двигался осторожно, с оглядкой, держа наготове палку.

Рыжик теперь успокоился, но все-таки держался поближе ко мне. Так мы прошли вдоль одного берега, ничего не увидев и не услышав, а потом перебрались на противоположную сторону – попросту перепрыгнув узкий поток, и принялись прокладывать себе путь через подлесок.

Мы одолели уже половину пути, когда там, где мы только что были, застучали камни. Ломая ветви деревьев, огромная глыба с грохотом рухнула в воду, окатив нас фонтаном воды. Рыжик зарычал, остановился и наставил уши. Я тоже прислушался.

Буквально через какую-нибудь секунду тишину нарушил истошный, странным образом показавшийся мне осмысленным, но все же наполовину свиной визг, раздавшийся в купе деревьев на полпути к южному обрыву. Со дна Ямы откликнулся подобный же голос. Коротко рывкнув, Рыжик перепрыгнул через ручей и исчез в кустах.

Там он залился громким лаем, сквозь который пробивалась какая-то неразборчивая тарабарщина. Потом бормотание смолкло, но наступившую было тишину нарушил полный муки почти человеческий вопль. Тут же взвыл от боли и Рыжик, кусты заколыхались, и пес выскочил из чащи, поджав хвост и оглядываясь. Я успел заметить в его боку рану, словно бы вспоротую острым когтем, едва не обнажившим ребра...

Видя такое увечье, я вспыхнул гневом и, размахивая дубинкой, бросился в кусты, из которых только что вынырнул Рыжик. Проламываясь вперед, я как будто бы уловил впереди отзвук дыхания. Передо мной сразу же открылась маленькая прогалина, и я успел заметить

исчезающий в кустах с другой стороны бледно-фиолетовый силуэт. С воплем я бросился вслед, но, сколько ни бил по ветвям и ни тыкал палкой в кусты, ничего не услышал и не увидел; тогда я вернулся к Рыжику. Омыв рану собаки речной водой, я перевязал ее платком; завершив все это, мы направились вверх из ущелья – к дневному свету.

Дома сестра спросила, как такое случилось с Рыжиком; я ответил ей, что пес подрался с диким котом, зная, что эти животные действительно водятся здесь.

Я полагал, что лучше не рассказывать ей, как все вышло на самом деле; в сущности, я и сам ничего не знал, однако мог не сомневаться в одном: исчезнувшая в кустах тварь не была дикой кошкой. Для этого она оказалась чересчур рослой; к тому же, насколько я успел заметить, шкура ее напоминала свиную – только мертвенно-бледного цвета. Потом, тварь эта бегала на двоих, и движения задних ног отдаленно напоминали движения человека. Больше я ничего не заметил и, по правде сказать, кроме известного любопытства ощущал и смятение.

Все это произошло утром.

После обеда, сидя за чтением, я вдруг поднял глаза и заметил, что над нижним краем окна выставились глаза и кончики ушей.

– Свинья, Боже милостивый! – сказал я, вскакивая на ноги. Теперь я мог видеть тварь почти целиком, но она лишь походила обликом на свинью – один Всевышний знает, что это было. Чем-то эта тварь напоминала жуткого великана, появившегося на великой Арене. Рот и челюсти казались почти человеческими, но подбородка не было вовсе. Огромный нос напоминал свиное рыло, оно-то вместе с крохотными глазками и остроконечными лопухами ушей придавало свиной облик загадочной твари. Лба почти не было, вся физиономия отливала какой-то нездоровой бледностью.

Минуту, должно быть, я взглядом изучал эту тварь – с отвращением и без страха. Рот ее извергал безумную тарабарщину, один раз превратившуюся в истинно свиное хрюканье. Более всего меня привлекали глаза, время от времени в них вспыхивал жуткий, едва ли не человеческий разум; тварь то и дело оглядывала комнату, стараясь не встречаться взглядом со мной, должно быть, опасаясь столкновения воле.

Она как будто бы держалась за край подоконника двумя клешневидными лапами. В отличие от лица, клешни эти имели землисто-бурый цвет и в достаточной мере напоминали человеческие руки: четырем пальцам противостоял большой; впрочем, пальцы соединяла перепонка как у гуся. Заканчивались они когтями, длинными, крепкими, скорее подобающими орлу.

Я уже отмечал, что был испуган, хоть и не за себя. Чувства мои точнее следовало назвать отвращением, подобающим при соприкосновении с гнусной мерзостью, нечистью, бесовщиной... извергнутым в бытие неведомым этому миру кошмаром.

Не могу сказать, что сразу разглядел чудище во всех подробностях. Думаю, что я осознал их потом – по мере постепенного проявления в уме. Я глядел на тварь, не видя ее, но запоминая, и подробности пришли мне в голову позже.

Минуту, может быть, взирал я на это создание, а потом, справившись с нервами, стряхнул ощущение смутной тревоги и шагнул к окну. Тварь тут же нырнула вниз и пропала, я бросился к двери и огляделся, но лишь перепутанные ветви кустов предстали моему взгляду.

Вбежав в дом, я взял ружье, чтобы обыскать сады. По пути я подумал – не это ли самое существо видел утром. И склонился к этому мнению.

Конечно, следовало бы взять с собой Рыжика, но он получил тяжелую рану. К тому же утром он уже имел дело с этой тварью, и явно не оказался ей достойным противником.

Я начал систематически обшаривать заросли, намереваясь, если это окажется возможным, разыскать свиноподобную тварь и пресечь ее жизнь. Во всяком случае, чудище это было материальным.

Сперва я двигался осторожно, памятуя про рану, полученную Рыжиком, но час сменялся часом, а мне так и не удалось кого-нибудь заметить в просторах заброшенных садов, и я расслабился, уже начиная думать, что обрадовался бы, наконец обнаружив эту тварь. Даже самая ужасная встреча была бы лучше этого безмолвия: ведь тварь эта преспокойно могла таиться в зарослях, мимо которых я уже проходил. Наконец я забыл об опасности и безрассудно полез прямо через кусты, тыкая прямо перед собой ружейным стволом.

Иногда я кричал, но лишь эхо отвечало мне; я намеревался вспугнуть эту тварь, но только всполошил этим Мэри, сестру мою, вышедшую поинтересоваться, в чем дело. Я сказал ей, что заметил дикого кота, подранившего Рыжика, и пытаюсь теперь выгнать его из кустов. Она удовлетворилась ответом лишь наполовину и вернулась домой с явной тревогой на лице. Не заметила ли она сама чего-нибудь подозрительного, подумал я. Остаток дня прошел в беспокойных поисках. Я понимал, что не усну, зная, что тварь эта прячется неподалеку, однако наступил вечер, а я так ничего и не заметил. Когда я повернул к дому, в кустах справа послышался какой-то неразборчивый вопль. Я немедленно обернулся и, торопливо прицелясь, выстрелил на звук. Послышались торопливые шаги, удаляющиеся среди кустов. Тварь двигалась быстро, и через минуту все уже смолкло. Я прекратил погоню уже через несколько шагов, отдавая себе отчет в том, что поздно блуждать в сгущающейся тьме, и с глубоким чувством уныния вернулся в свой дом.

После того как сестра моя отошла ко сну, я обошел дом, проверил все окна и двери на первом этаже. Предосторожность была бы не излишней, если бы дело ограничивалось только окнами; на первом этаже все они прикрыты надежными решетками; но в том, что касается дверей – а их на первом этаже пять, – я проявил мудрость, ибо ни одна из них не была заперта.

Справившись с делом, я отправился в свой кабинет, но просторная комната и вечное гулкое эхо теперь нервировали меня. Некоторое время я пытался читать; наконец оказалось, что это невозможно, и я перебрался в кухню к ярко пылавшему очагу и сел возле него.

Смею сказать, что, углубившись в чтение на пару часов, я вдруг услышал звук, заставивший меня опустить книгу и прислушаться. Возле задней двери послышался шорох, однажды она скрипнула, под сильным толчком. В эти короткие мгновения я пережил неопишуемый ужас, мне и в голову не приходило, что когда-нибудь придется испытать подобное ощущение. Руки мои тряслись, тело покрылось холодным потом. Я содрогался всем телом.

Постепенно я успокоился. Шорох снаружи более не повторялся.

Час, наверное, я выжидал, даже не шелохнувшись. И чувство страха опять вернулось. Как зачарованный я ощущал на себе взгляд змеи. И пусть я ничего не слышал, но не мог усомниться – снаружи у дома творилось нечто необъяснимое.

И вдруг, сперва на пороге слышимости, в ухо мое прокрался звук, поначалу казавшийся слабым бормотаньем. Он становился все громче и наконец превратился в глухой и ужасный хор. Звериные вопли словно поднимались из глубин самой земли.

Я услышал стук и понял – нет, ощутил, – что уронил книгу. Застыв, я просидел... таким и увидела меня заря, осветившая высокие окна просторной кухни.

С рассветом страх и оцепенение отпустили меня, и я словно очнулся.

Тогда я подобрал книгу и прокрался к двери, чтобы послушать. Ни звуком не нарушалось застывшее безмолвие. Несколько минут я простоял возле двери, а потом осторожно, понемногу, выдвинул засов... Наконец, разом распахнув дверь, я выглянул наружу...

Предосторожности оказались излишними, ничего не было видно, лишь густые унылые заросли тянулись к далекому саду.

Поежившись, я запер дверь и тихо отправился к постели.

Глава VI

Свинорылы

Это случилось вечером – через неделю. Сестра моя вязала в саду. Я расхаживал с книгой, читая на ходу... Рыжик стоял возле стены дома. Понимая, что страшная тварь могла все это время обретаться в саду, я не забывал о разумной предосторожности. Однако уже целую неделю ничто не тревожило меня ни видом, ни звуком, и я мог спокойнее воспринимать происшедшее – впрочем, не утратив ни удивления, ни любопытства.

Я уже говорил, что расхаживал взад и вперед, углубившись в книгу. Вдруг со стороны Ямы до ушей моих донесся грохот. Мгновенно повернувшись в ту сторону, я увидел вставший над нею огромный столб пыли.

В испуге, со словами удивления на устах сестра моя вскочила на ноги.

Велев ей оставаться на месте, я схватил ружье и бросился к Яме. И на бегу вновь услышал тот же глухой рокот, превратившийся в оглушительный рев, прерываемый звучным треском... из ямы вырвался новый столб пыли.

Грохот быстро утих, а облако, клубясь, поползло в стороны.

Я добежал до края котловины и поглядел вниз, но ничего не увидел: передо мной клубились облака пыли. Воздух был полон мелких частиц, они ослепляли и удушали меня, пришлось даже отбежать, чтобы отдышаться.

Поднятая взвесь медленно оседала, подушкой прикрывая Яму.

Мне оставалось лишь догадываться о том, что там творилось.

Случился обвал – в этом сомнений не оставалось, – однако породившая его причина находилась за пределами моего понимания. Впрочем, я уже начинал кое-что подозревать, связывая падение глыб с тварью, встреченной мною на дне Ямы... тем не менее, смятение еще не позволяло мне понять очевидное.

Пыль медленно улеглась, и я наконец смог подойти к краю и заглянуть вниз.

Поначалу, старательно вглядываясь, я тщетно пытался преодолеть взглядом пылевую завесу, но так ничего и не увидел. А потом вдруг заметил слева внизу три неясных силуэта, карабкавшихся наверх по склону. И пока я глазел да гадал, справа снова загрохотали камни. Я поглядел по сторонам, но ничего не увидел и склонился вперед, обратившись к глубинам ямы... тут прямо передо мной – буквально в нескольких ярдах – из пелены пыли возникло мерзкое, мертвенно-бледное свиноподобное рыло. За ним угадывались подобные морды. Завидев меня, тварь разразилась внезапным визгом, на который немедленно со всех сторон Ямы ответили голоса подобных ей. Страх и отвращение сотрясли мое тело, и, выставив вперед ружье, я разрядил его в поганую харю. Существо исчезло... внизу загрохотали камни.

На мгновение настала тишина, которой я, должно быть, обязан жизнью: за этот короткий миг я сумел расслышать за спиной быстрый топот многих ног и, обернувшись, увидел целый отряд этих тварей, бежавших ко мне. Я немедленно вскинул ружье, выпалил в первого Свинорыла, повалившегося вперед с жутким воем, а потом пустился бежать. Когда до дома оставалась едва ли не половина пути, я увидел сестру, направляющуюся ко мне. Я не мог различить лица ее – ибо уже начинало темнеть, – но она испуганным голосом окликнула меня, желая узнать, почему я стрелял.

– Беги! – крикнул я в ответ. – Беги, если хочешь жить!

Без дальнейших увещеваний она повернулась и бросилась к дому, подобрав юбки обеими руками. Следуя за ней, я оглянулся. Твари мчались за нами на задних ногах, то и дело припадая на все четыре.

Наверное, один только ужас, слышавшийся в моем голосе, заставил сестру так мчаться вперед; по-моему, она не видела адских созданий, что гнались за нами.

И мы побежали – сестра была впереди.

Неуклонно приближавшийся топот говорил мне, что твари нас догоняют. К счастью, я привык вести, так сказать, активный образ жизни. Но, как бы то ни было, быстрый бег уже успел утомить меня.

Перед собой я видел заднюю дверь, к счастью оказавшуюся открытой. Я бежал в полудюжине ярдов за Мэри, и сердце уже готово было выпрыгнуть из моей груди. И вдруг что-то легко прикоснулось к моему плечу. Дернув головой, я успел заметить прямо за спиной чудовищно мерзкую харю. Опередив товарок, одна из этих гнусных тварей вырвалась вперед и едва не схватила меня. Я обернулся, и она вновь протянула ко мне свои лапы. Отчаянным усилием отпрыгнув в сторону, я перехватил ружье за ствол и обрушил приклад на голову кошмарной твари. Мерзкое создание повалилось, издав почти человеческий стон.

Даже короткой задержки могло хватить, чтобы остальные чудища догнали меня; так что, не теряя ни мгновения, я повернулся и бросился к двери.

Вскочив в прихожую, я немедленно захлопнул за собой дверь и задвинул засов – и в этот самый миг первое из мерзких созданий с разбегу ударило в нее своим телом.

Сестра, задыхаясь, уже сидела в кресле... казалось, она вот-вот потеряет сознание; но я не мог помочь ей: в первую очередь следовало проверить, все ли двери заперты. К счастью, все они оказались надежно заложенными. К двери, что вела в сад из моего кабинета, я прибежал в последнюю очередь и едва успел убедиться в том, что она закрыта, когда за нею послышались какие-то звуки. Я сумел различить шепот, а потом что-то заскребло по панели. Должно быть, одно из чудищ царапало дверь когтем, чтобы проверить, можно ли таким образом пробраться внутрь. То, что эти создания мгновенно обнаружили двери, послужило для меня свидетельством их ума. Я наконец понял, что передо мной не животные, хотя заподозрил это в тот самый миг, когда одна из этих тварей впервые выставила свое рыло из-за края моего окна. Передо мной Сверхчеловек, подумал я, инстинктивно ощутив, что загадочные существа не имеют ничего общего с грубыми зверями. Свинорылы пребывали за пределами всего человеческого – и отнюдь не в хорошем смысле: в них воплощалось нечто злое и враждебное ко всему доброму и хорошему, что есть в человеке. Уже одна мысль об этих тварях наполняла меня отвращением.

Тут мысли мои вернулись к сестре. Подойдя к буфету, я извлек оттуда плоскую бутылку бренди вместе с бокалом. С ними я отправился в кухню, осветив себе путь зажженной свечью. Сестра моя уже не сидела в кресле: она упала с него и лежала теперь вниз лицом.

Очень осторожно я перевернул Мэри на спину и приподнял ее голову, а потом осторожно влил между губ капельку бренди. Чуть погодя она шевельнулась, несколько раз неровно вздохнула и открыла глаза. Ничего не понимающий, оцепеневший взгляд обратился ко мне. Тут глаза сестры медленно закрылись, и я вновь дал ей немного бренди. Наверно, с минуту она просто лежала и часто дышала. Потом глаза ее вновь распахнулись, и мне показалось, что передо мной одни зрачки: страх вернулся к ней вместе с сознанием. Тут она резко села – так что я даже отшатнулся. Заметив, что Мэри вздрогнула, я протянул руку, чтобы поддержать ее. Тогда она завизжала и, вскочив на ноги, выбежала из комнаты.

Ошеломленный и растерянный, я остался стоять на коленях с бутылкой в руке.

Неужели она испугалась меня? Почему? Какие могут найтись причины для подобного страха? Оставалось предположить, что недавно пережитое потрясение, должно быть, повергло ее в легкое помешательство. Наверху хлопнула дверь, я понял, что сестра заперлась в своей комнате. Я поставил бутылку на стол: внимание мое привлекли звуки, послышавшиеся возле задней двери. Я приблизился к ней и прислушался. Дверь дрогнула, должно быть, твари навалились на нее снаружи; однако створка оказалась слишком прочной и надежной даже для приложенных ими сил.

Из сада непрерывно доносились звуки. Случайный слушатель, скорее всего, заподозрил бы, что там хрюкает и перекликается стадо свиней, но из-за двери я сумел уловить смысл в этом визге. Постепенно я стал слышать или угадывать в визге нечто вроде человеческой речи – вязкой и нечеткой, словно каждое слово давалось Свинорылам с трудом... тем не менее, я понял, посреди всей какофонии, что присутствую при обмене мыслями.

К этому времени в коридорах стало совсем темно, отовсюду доносились скрип и потрескивания, которые к ночи всегда наполняют каждый старинный дом, должно быть, потому, что в ночной тишине слух отходящего ко сну человека несколько обостряется. Кое-что поясняет, конечно, и теория, гласящая, что ночное похолодание заставляет сокращаться старые стены, и дом – как бы пошевеливаясь – устраивается на ночь. Так или иначе, в ту ночь мне было бы приятнее не слышать вообще ничего... мне все казалось, что всякий скрип или шорох сопровождает движение одной из тварей, крадущейся по коридору, пусть я и знал, что этого не может случиться, поскольку сам убедился, что двери плотно закрыты.

Однако звуки постепенно настолько растревожили меня, что я решил заново обойти весь низ дома – хотя бы только для того, чтобы наказать себя за трусость, – ну, а если не так, чтобы встретить опасность лицом к лицу. После обхода я решил подняться в свой кабинет: было ясно, что не может быть даже речи о сне, когда дом осажден полужверьми, полу... кто знает, чем были эти твари на самом деле... ясно было лишь, что они являются воплощением предельной мерзости.

Сняв с крюка кухонный фонарь, я переходил из подвала в подвал, из комнаты в комнату, через кладовую и угольную яму – по коридорам и закоулкам, которых так много в основании любого старого дома. И наконец, обыскав каждый угол и всякую каморку, где могла бы спрятаться такая тварь, отправился к лестнице.

Поставив ноги на первую ступеньку, я замер, потому что вдруг как будто услышал какой-то звук, донесшийся из кладовой для хранения масла, что находилась слева от лестницы. Нервы мои были уже взведены до предела, и, решительно шагнув ближе к двери, я поднял фонарь над головой и в какое-то мгновение убедился в том, что помещение пусто, – если не считать кирпичных опор, поддерживавших тяжелые каменные плиты свода. Я уже собирался уйти, уверенный в том, что ошибся; но тут свет фонаря отразился в двух ярких точках за высоким окном. Я постоял, приглядываясь, и тут они шевельнулись, поблескивая то красным, то зеленым огнем. Я понял – это глаза.

А потом за окном проступил силуэт одной из тварей: она держалась за прутья решетки и лезла вверх. Я подошел поближе к окну и высоко поднял фонарь, не имея – как будто – оснований для опасений: тварь, конечно же, не была способна справиться с прочными прутьями. Однако, понимая умом, что чудище не может причинить мне вреда, я вновь ощутил тот же жуткий страх, с которым познакомился неделю назад. Я ощутил, что глаза этой твари смотрят прямо в мои и настойчиво требуют... Я попробовал отвернуться, но не

сумел этого сделать. Уже и окно, казалось, расплывалось в тумане. Должно быть, за ним появились еще одни глаза, а за ними другие... целое созвездие злобных жгучих светил манило меня к себе.

Голова моя плыла и пульсировала. И тут я ощутил острую боль в левой руке. Ощущение становилось сильнее и наконец буквально вынудило меня обратить на нее внимание. Напрягая все свои силы, я опустил долу глаза, тем самым разрушив чары. Оказалось, что неосознанно – в каком-то трансе – я схватился за раскаленное стекло фонаря и сильно обжег руку. Я вновь поглядел на окно: туманная дымка рассеялась, и теперь за ним маячили дюжины и дюжины адских харь. Во внезапном приступе ярости я замахнулся и швырнул лампу в окно. Разбив одно из стекол, она вылетела между двух прутьев наружу, в сад, разбрызгивая на лету горящее масло. Послышались сердитые крики, а когда глаза мои привыкли к темноте, я обнаружил, что за окном никого нет.

Кое-как собравшись с силами, шатаясь, я направился к двери и принялся подниматься, оступаясь едва ли не на каждом шагу. Я был ошеломлен, словно бы получил удар по голове. Руку мою жгло, душу наполняла слепая ярость, направленная против этих тварей.

Поднявшись в кабинет, я зажег свечи... отбрасываемый ими свет играл на ружьях, развешанных на боковой стене. Только тогда я сообразил, что все же не бессилен и сила оружия столь же губительна для этих чудовищ, как и для обычных зверей. Я решил занять оборону.

Прежде всего, пришлось перевязать руку – боль становилась уже нестерпимой. Слегка уняв ее, я отправился к ружьям. Выбрал тяжелую винтовку – оружие надежное и испытанное – и, прихватив положенную амуницию, отправился на верх одной из венчавших дом башенок.

Оттуда ничего не было видно. Внизу темнел сад, а под деревьями лежали густые тени. Вот и все – что толку наугад стрелять в эту тьму. Оставалось дожидаться восхода луны и надеяться, что тогда я сумею достойно покарать осаждавших дом. Словом, я сидел тихо и старательно прислушивался. Шорохи в саду прекратились, лишь изредка до меня доносился случайный визг или хрюканье. Тяжелое безмолвие вовсе не радовало меня: кто мог сказать, какой дьявольщине предавались тем временем гнусные твари. Дважды я спускался из башни и обходил дом, но все было спокойно.

Лишь однажды со стороны Ямы послышался шум, словно бы в ней вновь случился обвал. Он вызвал недолгое – минут на пятнадцать – беспокойство и среди новоявленных обитателей сада. Но шум быстро улегся, и все вновь успокоилось.

Примерно через час над далеким горизонтом появилась луна. Со своего места я видел за деревьями ночное светило, однако не мог разглядеть, что тем временем творилось в саду. Лишь когда луна поднялась повыше, заглянув за край крыши, я заметил несколько Свинорылов, распростершихся возле стены дома. Чем они там занимались, мне не было видно, однако не следовало пренебрегать выпавшим шансом, и, хорошенько прицелившись, я выстрелил в того из них, кто находился как раз подо мной. Раздался пронзительный визг, а когда развеялся дым, оказалось, что существо это повалилось на спину и еще слабо дергалось. А потом застыло. Остальные исчезли.

Сразу же после этого от Ямы послышался громкий визг, не менее сотни голосов отвечали ему ото всех краев сада. Так я получил некоторое представление о численности врагов и понял, что дело приобрело куда более серьезный характер, чем можно было представить.

Безмолвствуя и наблюдая, я все время мучился мыслью: кто они? Откуда явились? Что

из себя представляют? И что все это значит? Потом думы мои вернулись к тому видению – хотя я даже сейчас сомневаюсь, чтобы это было только виденье, – что открыло мне Равнину Молчания. Что оно предвещало? И что означала эта тварь на Арене?.. О! Наконец я вспомнил о доме, который видел в том безгранично далеком от Земли месте. О доме, во всем повторявшем мой собственный, словно копия, сделанная с оригинала... впрочем, как знать, где копия, а где оригинал. Я и не думал, что...

Тут от Ямы донесся другой долгий визг, секундой позже за ним последовали два покороче. И сразу же весь сад загремел ответными воплями. Я быстро встал и перегнулся через парапет. В лунном свете казалось, что внизу повсюду задвигались пары живых земляничин. Они перемещались с места на место, словно несомые порывами сильного ветра, топот ног был слышен даже на крыше. Несколько раз я замечал в свете луны между кустов белесые силуэты и дважды стрелял. Во второй раз следом за выстрелом послышался короткий визг, полный боли.

Минутой спустя сады уже умолкли, только от Ямы доносились отзвуки истинного столпотворения. Временами над хриплой свиной речью, над общим шумом, возвышались гневные крики, им отвечало многоголосое хрюканье. Держат совет, решил я, обдумывают способ ворваться в дом. Значит, мои удачные выстрелы поистине раздосадовали их.

Тогда я понял, что пора опять проверить мою оборону. И немедленно приступив к этому делу, вновь обошел весь цоколь дома и проверил все двери. К счастью, все они, как и задняя, сделаны были из прочного, железом обитого дуба. Потом я поднялся наверх – к кабинету. Эта дверь меня беспокоила больше, чем остальные, поскольку она была современной работы и, несмотря на несомненную прочность, не обладала несокрушимой крепостью остальных дверей.

Следует объяснить, что с этой стороны к дому подходит лужайка, она выше нижних дверей, поэтому решеткой защищены и окна кабинета. Все прочие входы, в том числе и наглухо запертые большие ворота, располагаются в первом этаже.

Глава VII

Нападение

Некоторое время мне пришлось потратить на раздумье – надо было укрепить дверь в кабинет. Наконец я спустился на кухню и не без труда выбрал несколько поленьев потяжелее, потом подпер ими наискось дверь, прибив сверху и снизу гвоздями. С полчаса потрудившись над распорками, я нашел принятые меры достаточными.

Почувствовав себя спокойно, я надел снятый на время сюртук и приступил к другим занятиям – нужно было уладить еще пару дел прежде, чем подниматься на башню. Однако, пока я занимался ими, у двери поднялась возня: толкавшие снаружи твари проверяли замок на прочность. Я выжидал, не издавая ни звука. Вскоре снаружи донеслись голоса еще нескольких свинорылов, которые о чем-то негромко переговаривались между собою. Внезапно раздалось торопливое негромкое хрюканье, и дверь затрещала под могучим напором. Твари продавили бы ее внутрь, если бы не поставленные мною подпорки. Потом – столь же быстро – они оставили дверь и вновь завели переговоры.

Наконец одна из тварей негромко взвизгнула, и я услышал приближающиеся шаги. Негромкий рассказ завершился молчанием; как я понял, осаждавшие попросили помощи. Понимая всю остроту ситуации, я стоял, держа наготове винтовку, чтобы, если поддастся дверь, убить по крайней мере кого-нибудь из них. Вновь послышался негромкий сигнал. И снова дверь затрещала, еле выдерживая могучий натиск. Целую минуту, наверно, Свинорылы давили на дверь, а я со страхом смотрел на нее и боялся: ведь в любую секунду дерево могло поддаться напору. Тем не менее, петли выдержали, попытка не принесла результата. Вновь раздалось хрюканье жуткой речи, и за нею я уловил шаги новоприбывших.

После долгих переговоров, во время которых дверь несколько раз основательно содрогалась, они вновь успокоились... Я понимал, что Свинорылы готовятся к третьему приступу. В душе моей царило отчаяние: петли еле выдержали два предыдущих натиска, и я опасался, что новый окажется для них уже чрезмерным испытанием.

И тут мой встревоженный разум наконец озарила искорка вдохновения, вдруг осенившего мою смятенную голову. Я немедленно – размышлять было некогда – выскочил вон из комнаты и помчался по лестнице – на сей раз не на одну из башен, а на плоскую свинцовую крышу. Оказавшись на ней, я бросился к ограждавшему ее парапету и, перегнувшись, заглянул вниз. И как раз услышал прохрюканную команду, после которой стоны еще выдерживавшей натиск двери донеслись даже доверху.

Нельзя было терять ни минуты и, перегнувшись, я прицелился и быстро нажал курок. Резко прогремел выстрел, одновременно с ним, хлюпнув, поразила цель пуля. Снизу донесся пронзительный визг, стоны двери умолкли. Я отодвинулся от парапета и вдруг, задрожав, огромная плита выскользнула из-под моих ног и рухнула прямо на тесную кучку стоявших внизу Свинорылов. В ночной тишине разом жутко взвыли несколько голосов, и послышался топот разбегающихся ног. Я осторожно заглянул вниз. Лунный свет позволял различить контуры парапетной глыбы, и мне показалось, что из-под нее выступают очертания белесой фигуры... впрочем, особой уверенности в этом я не испытывал.

Так прошло несколько минут.

Глядя вниз, я заметил, что из тени дома появился силуэт одной из тварей, она подошла к

камню и нагнулась. Я не видел, чем она там занималась, однако через минуту Свинорыл поднялся, держа в когтях какой-то кусок, поднес его ко рту и...

Сразу я ничего не понял, хотя до меня уже начинало доходить. Тварь нагнулась снова. Мерзостно было даже глядеть на нее. И я стал заряжать винтовку. А когда вновь поглядел вниз, тварь уже пыталась отодвинуть камень в сторону. Положив ствол на парапет, я выстрелил снова. Рухнув мордой вперед, чудище задержалось в конвульсиях.

Однако почти одновременно с грохотом выстрела до ушей моих донесся звон разбитого стекла. Успев перезарядить ружье, я бросился вниз и буквально пролетел пару пролетов.

Тут я остановился, чтобы прислушаться. Звон повторился. Похоже, он доносился с этажа, находившегося как раз подо мною. Я в тревоге бросился вниз по ступенькам, на слух – по скрежету оконного переплета – добрался до двери одной из пустующих спален с задней стороны дома и настежь распахнул дверь. Комната была едва освещена лунным светом – лучи его перекрывали шевелившиеся в окне фигуры. На моих глазах один из Свинорылов уже шагнул в комнату. Я навел на него ружье и, не целясь, выстрелил, огласив комнату оглушительным грохотом. Когда дым рассеялся, оказалось, что в комнате никого нет и все шевелившиеся в окне фигуры исчезли. Сразу сделалось значительно светлее. Через разбитое стекло в комнату врывался холодный ночной воздух. Снаружи – с земли – доносились стоны и неразборчивый свиной говорок.

Став сбоку окна, я перезарядил ружье и замер, выжидая. Наконец послышался шорох. Оставаясь в тени невидимым, я прекрасно все видел со своего места.

Звук становился все ближе, и вот над подоконником что-то мелькнуло и легло на край разбитой оконной рамы. Тут я увидел, что это рука. Мгновением позже передо мной оказалась харя одного из Свинорылов. Но прежде, чем я успел пустить в ход ружье, послышался громкий треск... т-р-р-а-х; это оконный переплет не выдержал веса твари. В следующее мгновение глухой удар и короткий вопль известили, что чудище шмякнулось оземь. С кровожадным желанием увидеть его предсмертные судороги, я шагнул вперед, однако не сумел ничего разглядеть: внизу звучала знакомая уже тарабарщина, свидетельствуя, что под окном собралось достаточно чудищ.

Я стоял, вглядываясь вниз, и пытался понять, каким образом эта тварь сумела подняться на такую высоту, ведь стена здесь была достаточно ровной, и окно располагалось футах в восьмидесяти над землею.

Перегнувшись, я заметил четкую тонкую тень, протянувшуюся по всей стене снизу до крыши. Она шла совсем рядом с окном – слева, футах в двух. Я вспомнил – это была водосточная труба, несколько лет назад установленная, чтобы отводить с крыши дождевую воду. Я давно забыл о ней. Теперь стало понятно, каким образом эти твари сумели добраться до окна. Тут я вновь услышал царапанье и шорох – наверх лезло новое чудище. Помедлив, я высунулся из окна и толкнул трубу; к моему восторгу, она легко шевельнулась под рукой, тогда, воспользовавшись стволом ружья как рычагом, я поспешно оторвал трубу от стены и, ухватившись обеими руками, оттолкнул ее подальше от стены... вместе с цеплявшейся за металл тварью.

Я подождал, прислушиваясь к новому взрыву воплей, но продолжения атаки уже не последовало. Оставалось надеяться, что очередного натиска здесь можно не ожидать, ведь я уничтожил тот единственный путь, которым твари добирались к окну. Возле других окон труб не было, и я ощутил некоторую уверенность.

Оставив спальню, я вернулся в свой кабинет – чтобы проверить состояние двери. Войдя,

я засветил две свечи, и с ними приблизился к двери. Одна из массивных петель стоннула с места, в верхней части двери образовалась вмятина дюймов шесть глубиной.

Должно быть, волею Провидения я сумел опередить чудищ едва ли не в самый последний момент. Я подумал про парпетный камень. Как случилось, что он упал? Ведь при каждом выстреле я опирался на него и при этом не замечал, чтобы тот шатался. Однако стоило мне разогнуться, и камень вдруг вывалился из-под ног. Нетрудно было сообразить, что бегству свиномордых я был обязан скорее своевременному падению камня, чем меткой стрельбе. Потом я решил, что следует воспользоваться передышкой и надежнее укрепить дверь. Мерзкие твари еще не возвращались к двери после падения камня, но кто мог сказать, как долго будут они держаться вдали?

Я спешно приступил к починке двери, но уже со всей возможной основательностью. Спустившись вниз, я отыскал несколько крепких дубовых досок, принес их в кабинет и, оторвав прежние самодельные опоры, набил на дверь поперечины и только потом вновь старательно приколотил свои распорки, до шляпки забивая в дерево каждый гвоздь.

Дверь стала, на мой взгляд, прочней, чем была, – доски добавили надежности, и теперь я мог рассчитывать, что она сможет выдержать и более серьезный натиск.

А потом я зажег прихваченную из кухни лампу и отправился проверять нижние окна.

Теперь, узнав силу, которой обладали эти твари, я испытывал беспокойство, и окна нижнего этажа внушали мне опасения, несмотря на прочные решетки, которыми они были защищены снаружи.

В первую очередь я отправился в погреб для хранения масла, который еще не оставила память о недавнем приключении. Было холодно, и сквознячок выдувал странную нотку на обломках стекла. Невзирая на все неприятные воспоминания, мне показалось, что там ничего не изменилось. Я подошел к окну и осмотрел решетку внимательней, отметив успокаивающую толщину ее прутьев. Тут мне вдруг показалось, что средний из них чуть изогнут – самую малость, – так могло быть уже многие годы, ведь прежде мне не случалось обращать внимание на это окно.

Протянув вперед руку, я взялся за прут, для моих рук он был словно вырублен из скалы. Неужели твари попытались начать с него и оставили старанья, лишь убедившись в том, что эта решетка им не по зубам. Потом я проверил все окна по очереди, но даже самый придирчивый осмотр не выявил ничего подозрительного. Закончив с этим делом, я вернулся в свой кабинет и налил себе чуточку бренди, после чего поднялся караулить на башню.

Глава VIII

После нападения

Было уже около трех часов ночи, и небо на востоке начинало бледнеть, предвещая зарю. Неторопливо явился рассвет, и я наконец смог тщательно разглядеть, что творится в Садах. Однако чудищ нигде не было видно. Я перегнулся вниз, чтобы посмотреть: на месте ли тело твари, которую мне удалось пристрелить ночью. Его не было, и я решил, что Свинорылы успели убрать труп.

Потом я спустился на крышу дома и подошел к месту, откуда вывалился кусок парашюта. Я внимательно поглядел вниз: плита оставалась на месте, но сверху сложно было сказать, есть ли под ней чье-нибудь тело; не было заметно и тех тварей, которых я пристрелил после падения камня. Значит, убрали и их. Я повернулся и отправился вниз – в кабинет, где наконец рухнул в кресло, не ощущая в себе никаких сил. Уже вполне рассвело, только лучи солнца еще не начинали по настоящему греть. Часы пробили четыре раза...

Вздвогнув, я проснулся и торопливо огляделся вокруг. На часах в углу стрелки показывали три. День уже клонился к вечеру. Значит, я проспал почти одиннадцать часов.

Неровным движением я распрямился в кресле и прислушался. В доме царило полное молчание. Я медленно поднялся на ноги и зевнул. Но усталость еще не отпустила меня, и я уселся вновь, раздумывая о причинах внезапного пробуждения.

Наконец я решил, что, должно быть, пробили часы, и уже намеревался вновь придремать, когда внезапный шум разом заставил меня забыть про сон. Кто-то, крадучись, пробирался по коридору неподалеку от моего кабинета. Я мгновенно вскочил на ноги, руки сжимали винтовку. И стал ждать, стараясь не производить шума. Неужели твари сумели проникнуть в дом, пока я спал? Однако, пока я так размышлял, шаги приблизились к двери, на миг остановились и проследовали дальше. Я осторожно – на цыпочках – прокрался к дверному проему и выглянул. Тут я испытал истинное облегчение, знакомое, наверно, лишь помилованному перед самой казнью преступнику – в коридоре оказалась моя сестра, уже направлявшаяся к лестнице.

Я шагнул в холл и собирался уже окликнуть ее, когда мне вдруг показалось странным, что сестра старается незамеченной пробраться мимо моей комнаты. Я был озадачен и на мгновение даже подумал, что вижу совсем не ее и что в доме завелась какая-то новая тайна. Однако, разглядев знакомую поношенную юбку, я едва не рассмеялся. Эту вещь – далеко не первой молодости – трудно было с чем-нибудь перепутать. Тем не менее, поведение сестры озадачивало меня, и, памятуя, в каком состоянии духа находилась она вчера, я отправился следом за сестрой, чтобы посмотреть, что она будет делать, стараясь при этом ничем не испугать ее. Если поступки ее окажутся рациональными – отлично... если же нет – придется ее приструнить. Угрожавшие нам отовсюду опасности попросту не допускали нового риска.

Очутившись на лестнице, я прислушался. И сразу услышал звук, буквально заставивший меня скатиться вниз: звякнул засов. Дура-сестрица уже отпирала заднюю дверь.

Я добрался до нее прежде, чем Мэри успела отодвинуть последнюю задвижку. Сестра не видела меня, пока я не схватил ее за руку. Быстро, испуганным зверьком, оглянувшись, она громко вскрикнула.

– Мэри! – строго сказал я. – Что за чушь ты творишь? Неужели тебе необходимы какие-

то объяснения, неужели ты не поняла еще – в какой мы оказались беде?

Она ничего не ответила, только дрожала и всхлипывала, тяжело дыша.

Несколько минут я потратил на уговоры, велел соблюдать осторожность, просил не бояться. Явной опасности нет, говорил я сестре, изо всех сил стараясь поверить в это, но надо же соблюдать осторожность... нам лучше вообще не покидать дом еще несколько дней.

Наконец я отчаялся и умолк, ощутив, что разговаривать бесполезно: сестра была явно не в себе. В конце концов я велел ей отправляться в свою комнату, раз она не способна проявить разум.

Но Мэри словно ничего не слышала. Поэтому без дальнейших слов я взял ее на руки и понес к спальне. Она коротко вскрикнула, а потом начала безмолвно содрогаться всем телом, но я уже добрался до лестницы.

Войдя в комнату сестры, я сразу же уложил ее на кровать. Она лежала спокойно – молча и не рыдая, – только дрожала в приступе отчаянного страха. Взяв плед с ближайшего кресла, я укрыл ее. Больше помочь ей было нечем, и я сразу направился к большой корзине, в которой лежал Рыжик. Сестра взяла к себе раненого пса и ухаживала за ним, поскольку рана оказалась куда более серьезной, чем я мог предполагать. По состоянию пса было ясно, что, невзирая на легкое умственное расстройство, сестра заботилась о собаке. Это меня обрадовало. Пригнувшись к корзине, я заговорил с Рыжиком, тот в ответ вяло лизнул мне руку, ибо на более длительное проявление радости еще не был способен.

Вернувшись к постели сестры, я спросил у Мэри, как она себя чувствует, но она лишь тряслась, и я – к собственному прискорбию – осознал, что от моего общества ей становится только хуже.

Тогда я оставил сестру и вышел в коридор, заперев за собой дверь. Ключ остался в моем кармане: другого выхода не было.

Остаток дня я провел то на башне, то в кабинете. Принес из кладовой буханку хлеба и весь день отщипывал от нее, запивая кларетом.

Что за томительный, что за долгий день это был. Если бы только я мог выйти в сад, то, наверно, успокоился бы; но сидеть одному в огромном безмолвном доме... вместе с обезумевшей женщиной и раненым псом – подобные переживания явятся испытанием и для самых прочных нервов. Тем более что вокруг, в густом кустарнике, конечно же, дожидались удобного мгновения адские Свинорылы. Случалось ли кому-нибудь из людей попадать в подобную переделку?

Вечером, а потом уже ближе к ночи я дважды спускался к сестре. Когда я вошел во второй раз, она возилась с Рыжиком, но, увидев меня, в страхе забилась в дальний угол. Бедная девочка! Ее испуг терзал мою душу, и я не стал более беспокоить Мэри. Пройдет несколько дней, подумал я, ей станет лучше, а пока все равно ничего нельзя сделать. Но я решил, что все-таки следует – необходимо даже – держать ее запертой в своей комнате. Только одно подбодрило меня – сестра все-таки приложилась к пище, которую я оставил ей в первый раз.

Так и прошел этот день.

А когда наступил вечер, и воздух сделался прохладным, я начал готовиться к еще одной ночи на башне: взял с собой еще две запасные винтовки и прихватил плотный ульстер^[4]. Ружья я зарядил и положил по обе стороны основной винтовки, намереваясь ночью задать жару любой твари, посмевшейся сунуться к дому. Амуниции у меня было в избытке, и я приготовился задать чудовищам суровый урок: следовало отучить их даже приближаться к

дверям.

Потом я вновь обошел дом, уделив особое внимание опорам, подпиравшим дверь кабинета. Убедившись, что ничего более сделать нельзя, и несколько успокоившись, я вновь вернулся в башню, заглянув по пути к сестре. Рыжик спал уже, но, заслышав мои шаги, поднял голову и вильнул хвостом. Мне показалось, что ему стало лучше. Сестра лежала на кровати, но спала она или нет, я не понял, и в таком состоянии оставил их обоих.

Поднявшись на башню, я устроился поудобнее – насколько это было возможно – и принялся следить за ночными тенями. Скоро на окружавшие дом Сады опустилась тьма. Первые несколько часов я бдительно вслушивался в каждый звук, стараясь уловить шорохи, производимые подкрадывающимися тварями. Ночь была уже слишком темной, чтобы полагаться на одно только зрение.

Медленно тянулись часы, однако ничего не происходило. Взошедшая наконец Луна осветила Сады... пустые и безмолвные. Такими они оставались всю ночь – ни звука, ни движения.

К утру, после продлившейся всю ночь стражи, я буквально заостенел от холода, тем не менее, отсутствие странных созданий смущало меня. Я не доверял этой тишине и предпочел бы открытую осаду. Тогда, по крайней мере, знаешь, откуда грозит опасность; беду легче встретить лицом, чем прождать целую ночь, пытаюсь угадать, какая дьявольщина может твориться внизу... уже от одних этих мыслей нетрудно следом за сестрой потерять рассудок. Я даже начинал надеяться, однако сердце всякий раз осаживало меня: не верь, они не могли уйти.

Глава IX

В погребках

Наконец, усталый, замерзший и встревоженный, я решил еще раз обойти дом. Начал я с кабинета, где стаканчик бренди помог мне согреться. Потом обследовал дверь, но обнаружил, что со вчерашнего вечера ее состояние осталось неизменным.

Я спустился с башни, когда едва рассвело, и в доме было по-прежнему сумрачно, так что мне пришлось прихватить свечу. Когда я спустился на первый этаж, дневной свет уже начинал пробиваться между решеток окон. Обход не дал ничего нового. Все было в порядке, и я уже собирался погасить свечу, когда подумал, что следовало бы осмотреть и погреба. В них я еще не спускался со времени первой атаки.

Не менее чем с полминуты я колебался и с охотой уклонился бы от этого дела – смею предположить, что подобную нерешительность испытал бы на моем месте любой, – ведь из всех величественных и просторных залов моего дома самые громадные и жуткие расположены именно в подzemелье. Однако уклониться от неприятного дела было нельзя, а промедление отдавало самой откровенной трусостью. К тому же, я уверял себя в том, что едва ли обнаружу в погребах жутких гостей, ведь попасть туда можно только через тяжелую дубовую дверь, ключ от которой я всегда ношу с собой.

В обычные дни я нечасто заходил дальше самого небольшого из погребов, в котором хранил вино... ведущая в него мрачная дверь расположена напротив лестницы. Откровенно говоря, до недавнего обхода я, пожалуй, толком и не бывал внизу.

Я отпер дверь и замер, стоя наверху лестницы: снизу пахло странной затхлостью. Наконец, выставив вперед ствол, я неторопливо начал свой спуск в подземные мрачные области своего дома.

Минутку я постоял у подножия лестницы – прислушиваясь. Вокруг царил безмолвие, только невдалеке, слева, по капле – кап-кап – сочилась вода. Свеча горела ровно – не мигая, не колеблясь: сюда не доносилось даже дуновения.

Я неторопливо переходил из погреба в погреб, имея довольно отдаленное представление об их расположении. После первого посещения погребов в памяти моей все смешалось. Я помнил лишь череду подземных залов, – своды самого просторного из них подпирали столбы, – и только, если забыть про темноту и прохладу. На сей раз я чувствовал себя совершенно иначе и, невзирая на волнение, мог уже оглядеться внимательнее и отметить величину и особенности каждого погреба.

Конечно, при свете свечи о тщательном обследовании нечего было и думать; но, продвигаясь далее, я все же обратил внимание на удивительную точность кладки и на каменные столбы, один за другим вздымавшиеся к сводчатому потолку.

Так добрался я наконец до самого обширного подzemелья, запомнившегося мне по-прежнему посещению. Над входом в него изгибалась огромная арка, камни ее были покрыты фантастическими фигурками, словно бы шевелившимися в свете свечи. Приглядываясь к резьбе, я подумал, что все-таки должен был лучше узнать свой собственный дом. Впрочем, извинение нашлось без труда, учитывая размеры здания, в котором мы со старушкой-сестрой обитаем вдвоем, занимая небольшое количество комнат.

Приподняв свечу повыше, я вступил в погреб и, держась правой стены, дошел до его

конца. Я не торопился, стараясь внимательно все оглядеть, но, насколько можно было судить при свече, все было в порядке.

Дойдя до стенки, я повернул налево, стараясь не удаляться от замшелых камней, и так обошел всю просторную палату. Тут я обратил внимание, что полом здесь служит скала, местами заплесневелая или покрытая слоем сероватой пыли.

Возле дверного проема я остановился, а потом повернулся и направился посредине между рядами столбов, поглядывая то направо, то налево. Примерно на полпути нога моя зацепилась за что-то... послышался металлический лязг. Торопливо нагнувшись, я опустил к полу свечу и заметил у ног большое металлическое кольцо. Склонившись пониже, я расчистил пыль вокруг него и заметил, что кольцо это служит ручкой устроенного в полу громадного люка. Охваченный возбуждением, не зная, куда может вести эта дверь, я положил ружье, поставил свечу в петлю курка, ухватил кольцо обеими руками и потянул. Дверь громко скрипнула – отзвуки сразу же послышались отовсюду – и тяжело открылась. Поддерживая коленом ее край, я потянулся к свече и поднес ее к открывшейся тьме, поводит вправо и влево, но так ничего и не увидел. Я был озадачен. Ступенек не было видно... как и признаков того, что они существовали когда-то. Ничего – только тьма. Я словно глядел в бездонный, не имеющий стенок колодец. И пока я задумчиво взирал, мне вдруг показалось, что далеко внизу зародился какой-то звук. Я приблизил голову к отверстию и прислушался. Быть может, тот звук был порожден моей фантазией, но все же клянусь, что услышал смешок, превратившийся в отчетливое далекое и мерзкое хихиканье. В испуге я отшатнулся, дверь, гулко ухнув, упала, вновь наполнив отзвуками подземелье. Но мне все еще казалось, что я слышу этот издевательский пакостный смех; правда, тогда я был склонен обвинять во всем разыгравшееся воображение, поскольку тот далекий звук явно казался чересчур слабым, чтобы проникнуть сквозь плотную крышку.

Целую минуту я стоял, нервно озираясь и поеживаясь от страха. Однако огромное подземелье было безмолвным, словно могила, и постепенно испуг рассеялся. Успокоившись, я снова ощутил известное любопытство – хотелось знать, что таит под собой огромная крышка, – однако на дальнейшее исследование все же не хватило храбрости. Впрочем, можно было не сомневаться в одном – люк следовало прикрыть надежнее. Что я и сделал, завалив его кусками обработанного камня, замеченными мной у южной стены.

Закончив свой обход, я вернулся обратно к лестнице и поднялся к дневному свету, ощущая сразу и тревогу и облегчение оттого, что с неприятным делом покончено.

Глава X

Время ждать

Солнце уже грело и ярко светило, наверху было просто чудесно по сравнению с угрюмым темным подвалом, и, несколько приободрившись, я направился на башню, чтобы выяснить, что же все-таки творится в Садах. Однако вокруг царило полное спокойствие, и через несколько минут я спустился в комнату Мэри.

Я постучал, услышал ответ и отпер дверь. Сестра моя покойно сидела на постели и как бы ждала. Она явно пришла в себя и не попыталась отодвинуться при моем приближении; все же я видел, как она тревожно вглядывается в мое лицо, словно бы не вполне доверяя и опасаясь подвоха.

На мой вопрос, как она себя чувствует, сестра отвечала вполне здраво: она была голодна и хотела бы спуститься вниз, чтобы приготовить нам завтрак, если я не возражаю. Я недолго подумал, не опасно ли выпускать ее. И наконец сказал ей, что не против, но с условием – если она не будет выходить из дома и открывать двери. Как только речь зашла о дверях, прежний испуг вдруг тенью пробежал по ее лицу; однако она ничего не сказала и, заверив меня в послушании, безмолвно покинула комнату.

Я направился к противоположной стене – к Рыжику. Он проснулся, когда я пришел, но лишь коротко твякнул в знак внимания и подергал хвостом. Когда я принялся гладить его, пес попытался подняться, но сразу же повалился на бок, взыв от боли.

Я поговорил с ним, велел лежать спокойно. Псу было легче, и я испытывал огромное облегчение также и оттого, что доброе сердце сестры не позволило ей забыть про собаку даже в том расстройстве, в котором она пребывала. Чуть погодя я оставил пса и отправился вниз – в кабинет.

Вскоре туда пришла Мэри – с блюдом, на котором расставлен был горячий завтрак. Когда она входила в комнату, я заметил, как взгляд сестры обратился к подпоркам, поддерживавшим входную дверь; губы ее напряглись, она слегка побледнела, но этим и ограничилось. Поставив блюдо возле моего локтя, она уже направилась к выходу, когда я окликнул ее.

– Мэри, не унывай! – сказал я. – Дела идут лучше. Я не видел этих тварей около дома со вчерашнего вечера.

Сестра глядела на меня, словно бы недоумевая. А потом в глазах ее засветился огонек понимания... и страха, но она ничего не сказала, ограничившись неразборчивым восклицанием. Я не стал продолжать: ясно было, что дальнейшие напоминания о Свинорылах могут излишне потрясти ее нервы.

Покончив с завтраком, я поднялся в башню и провел там большую часть дня, внимательно оглядывая Сады. Раз или два я спускался на первый этаж, поглядеть как там сестра. Каждый раз я заставлял ее спокойной и кроткой. В последний раз она даже обратилась ко мне; речь шла о каком-то домашнем деле, требовавшем моего внимания. И хотя говорила она с невероятной застенчивостью, я был рад вновь слышать голос Мэри. Это были первые произнесенные ею слова с того самого ужасного момента, когда я остановил ее попытки открыть заднюю дверь, чтобы выйти из дома – прямо в лапы карауливших снаружи. Мне хотелось бы выяснить, помнит ли она об этом, понимает ли, какой участи избежала,

однако я не стал расспрашивать сестру, полагая, что пока лучше оставить ее в покое.

Новую ночь – после двух, прошедших без сна, – я провел в постели, а утром, поднявшись, сразу же обошел дом. Все было в порядке, и я отправился на башню, чтобы поглядеть на Сады. Оказалось, что и там царило полное спокойствие.

Встретив Мэри за завтраком, я с огромной радостью убедился, что она полностью пришла в себя. Сестра поприветствовала меня как обычно, говорила разумно и спокойно, старательно избегая любых упоминаний о том, что происходило с нами последние два дня. Я вовсе не был против и только старался случайно не повернуть разговор к недавним событиям.

Прямо с утра я вновь заглянул к Рыжику. Пес быстро поправлялся и через день или два должен был оказаться на ногах. Прежде чем выйти из-за стола, я порадовался его выздоровлению. Из последовавшего за этими словами короткого разговора я понял, что сестра по-прежнему полагает, что рану псу нанес придуманный мной дикий кот. Мне было чуточку стыдно за подобный обман, но – тем не менее – так было лучше: упоминание о рыси не испугало Мэри. Однако я не сомневался в том, что сестра должна была обо всем догадаться, когда чудовища осадили наш дом.

День я провел наблюдая за садом, по большей части из башни, но Свинорылов не видал и не слышал. Несколько раз мне уже начинало казаться, что твари оставили нас; в предыдущие дни я гнал из головы подобные мысли, но теперь забрезжили основания для надежды. Чудищ я не видел уже три дня, но не торопился, ибо нам следовало соблюдать предельную осторожность. Нетрудно было предположить, что наставший вокруг покой для того именно и предназначен, чтобы выманить меня из дома – быть может, прямо в их лапы. Подобная перспектива могла бы сделать подозрительным даже самого беспечного человека.

Так же тихо прошли четвертый, пятый и шестой дни; я не пытался покинуть дом.

На шестой день, к радости моей, Рыжик поднялся на ноги и, невзирая на слабость, составлял мне компанию целый день.

Глава XI

Поиски в Садах

Время двигалось медленно, однако никаких признаков пребывания в Садах зловещих тварей так и не обнаружилось.

На девятый день я наконец решил рискнуть – если это действительно еще представляло какой-нибудь риск – и выбраться наружу. С этой целью я зарядил один из дробовиков, посчитав, что на близком расстоянии это оружие окажется куда более смертоносным, чем винтовка; и, тщательно оглядев напоследок Сады с башни, подозвал к себе Рыжика и спустился на первый этаж.

Признаюсь, оказавшись возле двери, я замер в нерешительности. В самом деле, что делать, если эти твари еще прячутся в тени кустов? Но через какую-то секунду взял себя в руки и, отодвинув засовы, открыл дверь и вышел на дорожку.

Рыжик последовал моему примеру, но возле двери пес остановился и принялся подозрительно обнюхивать косяки, словно бы на них оставался какой-то запах. Потом он повернулся и принялся носиться, кружа и петляя неподалеку; наконец пес возвратился к порогу и вновь принялся принюхиваться.

До сих пор я стоял, наблюдая за Рыжиком и одновременно краем глаза приглядывая за густо обступившим дом кустарником. Но тут я шагнул поближе к нему, пригнулся и принялся изучать поверхность двери, которую тот обнюхивал. Оказалось, что дерево покрыто сеткой пересекавших друг друга царапин. Кроме того, дверная рама показалась мне местами обгрызенной. Более я ничего не сумел заметить и, распрямившись, направился в обход вокруг дома. Как только я отошел, Рыжик оставил дверь в покое и помчался вперед, водя носом у земли и принюхиваясь. Временами он застывал, давая мне возможность обратить внимание то на оставленные пулей следы, то на просыпанный порошок, то на кусок дерева или оставленную когтями борозду на земле, однако ничего существенного я так и не обнаружил. Пес бегал передо мной, а я внимательно приглядывался к его поведению, чтобы вовремя заметить появление тварей. Впрочем, я уже уверился, что в Садах их более нет: мерзостные создания явно бежали куда-то. Рыжика обмануть нелегко, и я ощущал облегчение, зная, что мой пес заранее предупредит меня о любой опасности.

Добравшись до места, где должна была находиться первая из подстреленных мною тварей, я остановился, чтобы рассмотреть труп повнимательнее, но так ничего и не нашел. Оттуда я отправился к месту падения камня. Он лежал на боку – в том же самом положении, в каком оставался, когда я подстрелил чудовище, сдвинувшее его. Справа от угла камня, ближе к стене, обнаружилась глубокая рытвина – там, где глыба ударилась о землю. Камень наполовину погрузился в нее, выступая другим концом. Подойдя поближе, я внимательнее рассмотрел плиту. Какой громадный блок! А эта тварь сдвинула его с места в одиночку, чтобы добраться до трупа, остававшегося под камнем.

Я перешел к другому концу плиты. Под ней осталась щель, в которую можно было заглянуть фута на два. Тем не менее, останков раздавленных тварей к моему удивлению не обнаружилось. Как я уже сказал, похоже было, что трупы убрали, однако это сделали не оставив малейшего следа... Я видел, как под плитой встретили смерть несколько чудищ, сила удара должна была бы вогнать их в землю, и вот – ничего, нет даже пятна крови.

Я был весьма озадачен и никак не мог избавиться от недоумения, но разум не мог представить никакого разумного объяснения, и мне наконец пришлось сдаться: загадок и так было достаточно много.

После того я со всем вниманием обратился к ведущей в кабинет двери. Здесь следы ужасного натиска видны были с еще большей ясностью, и я удивлялся уже тому, что она выстояла даже с помощью моих подпорок. Никаких отметин на ней не осталось: какая-то колоссальная сила попросту сорвала дверь с петель. Потрясла меня такая деталь – верх одной из опор насквозь пронзил створку. Подробности этой вполне хватало, чтобы понять, с какой силой чудовища наваливались на дверь и насколько недалеко были они от успеха.

Продолжив обход дальше, я не обнаружил ничего интересного – если не считать оторванного мною куса водосточной трубы лежавшего в высокой траве за домом под разбитым окном.

Я вернулся в дом и, вновь заперев заднюю дверь, поднялся на башню, где и провел день за чтением, лишь изредка обращая свой взгляд к садам. Я решил на следующее утро отправиться прямо к Яме – если предстоящая ночь также пройдет спокойно. Возможно, именно там я смогу понять, что происходит возле моего дома. Наконец день прошел, а за ним наступила ночь, как и все последние миновавшая без приключений.

Поднялся я, когда уже совсем рассвело... день выдался ясным, и можно было приступить к исполнению плана. Обдумав за завтраком все подробности, я отправился в кабинет за дробовиком. И на всякий случай зарядил и опустил в карман небольшой, но тяжелый пистолет. Нетрудно было понять, что опасность может прийти лишь со стороны Ямы, и я намеревался быть готовым ко всему.

Оставив кабинет, я спустился к задней двери, Рыжик последовал за мною. Оказавшись снаружи, я взял на изготовку ружье и внимательно огляделся. Рыжик бросился вперед – насколько я мог видеть, без малейшей нерешительности. Это свидетельствовало о том, что непосредственной опасности нет, и я прибавил шагу, следуя за псом, который уже успел добраться до края Ямы и внимательно обнюхивал его.

Минуту спустя я уже был возле него, и глаза мои немедленно обратились к Яме. Сперва мне трудно было поверить им, так изменилось все вокруг. Прежнего сумрачного ущелья, по дну которого две недели назад лениво пробирался прятанный под густыми ветвями ручей, как не бывало. Взору моему предстала унылая каменистая котловина, наполовину наполненная мутной водой. Со склонов ее была содрана вся растительность – до голого камня.

Слева от меня стена Ямы обрушилась совершенно, образовав клиновидную расщелину в поверхности скалы. Открытая сверху щель доходила почти до самой воды и углублялась внутрь камня футов на сорок. На краю обрыва ее ширина достигала футов шести, а внутри сужалась до двух. Но внимание мое привлекла не столько сама огромная расселина, как глубокое отверстие, зиявшее внутри ее – как раз в самом углу. Края его были четко очерчены и напоминали, пожалуй, арку, впрочем, прятанную в тени и не открывавшую передо мной подробностей.

На противоположной стороне Ямы растительность уцелела, однако изуродованные кусты и деревья были настолько засыпаны пылью и битым камнем, что посчитать их живыми не представлялось возможности.

Сперва я решил, что вижу перед собой результаты оползня, однако вскоре сообразил, что обычный обвал едва ли мог привести к подобным последствиям. А тут еще и вода... Я вдруг

оглянулся, внезапно уловив доносившийся справа шум текущей воды. Источника его я не видел, но тем не менее все-таки сумел догадаться, что звук доносится от восточной оконечности Ямы.

Я неторопливо направился в ту сторону... плеск становился все отчетливее и наконец зазвучал уже подо мной, не обнаруживая, впрочем, источника; наконец, опустившись на землю, я высунул голову за край утеса и не только услышал, но и увидел теперь чистый поток, изливавшийся на камни из отверстия в стене Ямы и сбегавший вниз в образовавшееся озеро. Чуть поодаль вытекала еще одна струя, а за нею еще две поменьше. Теперь было ясно, откуда взялась вода в Яме: русло ручья завалило камнями, однако тоже вносил свою заметную долю.

Но я по-прежнему ломал голову, пытаюсь понять причину возникновения всех этих обвалов, ручьев и самой громадной расщелины. Ясно было, что оползень не может служить удовлетворительным объяснением. Только землетрясение или огромной силы взрыв могли бы привести к подобным последствиям. Однако ничего похожего я – вроде бы – не заметил. Я поднялся на ноги – и тут лишь вдруг припомнил тот грохот и поднявшееся следом за ним в воздух облако пыли. В неверии я качал головой. Нет! Должно быть, тогда грохотали падавшие глыбы скал и грунта... естественно, при этом разлеталась и пыль. Впрочем, невзирая на все аргументы рассудка, я ощущал, что подобная теория выглядит неудовлетворительной. Но как и чем еще можно объяснить случившееся? Пока я исследовал образовавшуюся котловину, Рыжик сидел на траве. И когда я отправился дальше вдоль северного края Ямы, он побрел следом за мной.

Внимательно озираясь по сторонам, я медленно обошел вокруг Ямы, но ничего нового не нашел. От западного края ее все четыре водопада видны были одновременно. Они находились довольно высоко над водой – футах в пятидесяти, по моему расчету.

Я побыл там какое-то время, стараясь приглядываться и прислушиваться, однако ничего подозрительного не услышал и не увидел. Вокруг было тихо, лишь вдалеке журчала вода, и никакие другие звуки не нарушали безмолвие.

Все это время Рыжик не обнаруживал признаков беспокойства. Я полагал, что его поведение свидетельствует о том, что Свинорылов более нет поблизости. Насколько я мог видеть, мой пес только обнюхивал траву и скреб ее лапой возле края обрыва. Временами он отбегал назад к дому – словно бы направляясь по невидимому для моих глаз следу, а потом немедленно возвращался обратно. У меня не было сомнений в том, что пес бежит вдоль следов Свинорылов, и тот факт, что каждый след приводил его назад к Яме, ясно указывал мне, что чудища вернулись туда, откуда пришли.

Днем я вернулся домой, чтобы пообедать. После мы с Рыжиком опять бродили по саду, но так и не обнаружили в нем свежих признаков пребывания мерзких созданий.

Лишь однажды, пробираясь сквозь кусты, Рыжик вдруг рявкнул и рванулся вперед... От страха и неожиданности я даже отпрыгнул назад, немедленно выставив вперед ствол ружья, но испуг разрядился нервным смехом: пес гнал кота. К вечеру мы прекратили поиски, и я повернул к дому. Сразу же, едва мы оказались возле высоких кустов, Рыжик исчез среди них и принялся там возиться, фыркая с явным неодобрением. Раздвинув стволом ружья мешавшие мне ветви, я заглянул внутрь. В общем, смотреть было не на что, если не считать обломанных ветвей, на которых какой-то зверь устроил себе лежку. Наверное, подумал я, здесь залегали Свинорылы в ночь атаки.

На следующий день я возобновил свои поиски в Садах, но безрезультатно. К вечеру я

обошел все окрестности, и теперь уже мог не сомневаться в том, что ни одной твари там не осталось. С тех пор мне частенько приходило в голову, что я был прав с самого начала и Свинорылы вернулись восвояси сразу после неудачного нападения.

Глава XII

Подземная Яма

Прошла еще одна неделя; почти все свое время я проводил возле жерла Ямы. И по прошествии нескольких дней пришел к заключению, что открывшаяся в изломе расщелины арка и есть тот ход, через который пробрались сюда Свинорылы из своего нечистого логова, укрытого в недрах нашего мира. В справедливости своей догадки мне еще предстояло убедиться.

Легко понять, что мне ужасно хотелось узнать, в какую преисподнюю ведет этот ход; но страх мешал прийти в голову мысли о том, чтобы отправиться на разведку в глубины земные. Слишком свеж был еще в памяти ужас, сопровождавший появление Свинорылов, чтобы по собственному желанию отправиться, можно сказать, на встречу с ними.

Но время шло, и страх постепенно начинал забываться; наконец, несколько дней спустя, я подумал, что могу спуститься вниз и заглянуть в этот ход; я не настолько уже противился этой мысли, как можно было бы подумать. Тем не менее, я совершенно не собирался всерьез предпринимать подобное дурацкое приключение. Нетрудно понять, что по своей воле войти в эту угрюмую дыру мог лишь человек, решившийся на верную смерть. Однако человеческое любопытство настырно, и в конце концов желание ознакомиться с мрачным подземельем одолело меня.

Медленно скользили в прошлое дни, страх мой перед Свинорылами исчезал, превращаясь в невероятно мрачное воспоминание – и только.

А потому настал день, когда, отбросив фантазии и измышления, я прихватил из дома веревку и, привязав один конец ее к прочному дереву на краю обрыва неподалеку от расселины, спустил другой конец – к зияющей пасти хода.

Осторожно, с опаской, сознавая все безумие собственного поступка, я принялся спускаться вниз, держась за веревку руками, пока наконец не добрался до отверстия в скальной стене. И, не выпуская веревки, остановился, чтобы заглянуть внутрь. Предо мной открылась тьма, из которой до ушей моих не доносилось ни звука. И все же через какой-то миг я вдруг что-то услышал и немедленно затаил дыхание... Впрочем, вокруг царило могильное безмолвие, и я облегченно вздохнул. И тут же вновь услышал тот звук: неподалеку от меня кто-то усердно – глубоко и резко – дышал. На миг я замер, словно окаменев, не имея сил шевельнуться. Звуки снова утихли, сменившись прежнею тишиною.

Пока я с тревогой приглядывался, нога моя сдвинула с места как-то камешек, гулко загремевший по каменному полу. Звук повторился неоднократно, каждое эхо становилось все тише и удалялось все дальше; наконец, когда вновь восстановилось безмолвие, я услышал неподалеку прежнее негромкое пыхтение. Звуки его отвечали каждому моему вздоху. Дыхание словно приближалось, издали – не столь громко – доносились похожие звуки. Не могу даже сказать, почему я немедленно не схватился за веревку и не оставил опасное место. Меня словно бы парализовало. Тело покрыл холодный пот, я попытался увлажнить губы языком. Горло вдруг пересохло, и я хрипло закашлялся. Горловой звук этот вернулся ко мне дюжиной жутких насмешливых отголосков. Беспомощно взирал я во тьму, но из нее ничего так и не показалось. На меня вдруг накатил непонятный приступ внезапного удушья, и я вновь сухо закашлялся. И снова этот звук вернулся ко мне изнутри, подхваченный

причудливыми отзвуками эхо.

И тут меня вдруг озарило: я задержал дыхание. Тот, другой, тоже перестал пыхтеть. Я задышал снова – вернулось и дыхание. Но теперь страх исчез. Я понял, что звуки производил не кто-то из притаившихся Свинорылов, до слуха моего доносилось всего лишь эхо моего собственного дыхания.

Однако перенесенный испуг был настолько силен, что я с облегчением вскарабкался вверх и подтянул за собою веревку. Я был слишком потрясен и взволнован; нечего было даже думать о спуске в темное подземелье, и я вернулся домой. На следующее утро я почувствовал себя увереннее, однако о продолжении исследований не могло быть и речи.

Все это время вода в Яме медленно поднималась и теперь уже подходила к отверстию снизу. При такой скорости дыру могло затопить уже через неделю, и я понял, что если не приступить к исследованиям безотлагательно, возможно, мне уже вообще не удастся этого сделать, ибо вода, поднимаясь, неминуемо покроет подземный ход.

Возможно, к действиям меня побудило именно это, и – как бы то ни было – через два дня я оказался на краю расщелины в полной экипировке.

На сей раз я намеревался справиться с нервами и выполнить задуманное. Кроме веревки я прихватил с собой связку свечей, намереваясь освещать ими как факелом свой путь, а также двуствольный дробовик. С пояса свисал заряженный картечью тяжелый кавалерийский пистолет.

Как и прежде, я обвязал веревку вокруг дерева, затем прочной бечевой прихватил ружье к спине и начал спускаться в яму. Завидев это, внимательно наблюдавший за моими действия Рыжик вскочил на ноги и подбежал ко мне, то ли с лаем, то ли подвывая – как мне показалось в знак предупреждения. Но я был настроен решительно и велел ему лечь. Мне бы хотелось взять пса с собою, но в подобных обстоятельствах сделать это не представлялось возможным. Когда лицо мое оказалось у края утеса, он лизнул меня в губы и, вцепившись зубами в рукав, решительно потянул вверх. Пес явно не хотел отпускать меня. Но, решившись, я уже не хотел оставлять своего намерения и, прикрикнув на Рыжика, тут же отпустившего меня, продолжил спуск. Старина Рыжик остался на краю утеса то лая, то скуля, словно потерявшийся щенок.

Я осторожно перебирался от выступа к выступу. Любой неудачный шаг сулил купание. Добравшись до входа, я отпустил веревку и отвязал ружье со спины. Коротко глянув на небо – его, как я заметил, быстро заволакивало тучами, – я сделал два шага вперед и, укрывшись от ветра, зажег одну из свечей. Приподняв ее над головой, не выпуская ружья из другой руки, я медленно тронулся вперед, поглядывая во все стороны.

Сперва до меня еще доносился грустный вой Рыжика над головой. Но я углублялся во тьму, и звук становился все тише; наконец я вовсе перестал его слышать. Коридор уходил вниз, забирая налево; направление это оставалось неизменным, и я понял, что возвращаюсь к дому.

Я продвигался вперед с опаской, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы прислушаться. Так зашел я, наверно, на сотню ярдов, когда слышал за своей спиной слабый звук. Я замер, чтобы прислушаться, сердце гулко билось в груди. Шум становился отчетливее, он быстро приближался. Теперь я уже четко слышал мягкую поступь приближающихся ног. Испуг немедленно заставил меня неподвижно застыть; не зная, куда идти, вперед или назад, и не другого, лучшего решения, я привалился к стене и, держа свечу над головой, с ружьем в руке, стал ожидать судьбы, кляня дурацкое любопытство, завлекшее меня в такой переплет.

Долго ждать не пришлось, через несколько секунд во тьме блеснули два глаза, отражая свет горящей свечи. Правой рукой я приподнял ружье, быстро навел его. И тут с оглушительным лаем, пробудившим громоподобное эхо, на грудь мне прыгнул Рыжик. Как ему только удалось спуститься по такому обрыву. Нервно оглаживая пса, я заметил, что шерсть его сочится влагой, должно быть, последовав за мной, он свалился в воду, откуда было уже не так трудно вскарабкаться к подножию хода.

С минуту выждав, чтобы успокоиться, я отправился дальше. Рыжик следовал за мной. Я был рад, что старый друг присоединился ко мне; ощущая за своей спиной его шаги, я уже не так сильно боялся. К тому же я знал: чуткие уши собаки намного раньше меня самого обнаружат любую тварь в той тьме, что меня окружала.

Некоторое время мы медленно продвигались вперед, подземный ход по-прежнему уводил нас к дому. Вскоре я решил, что мы оказались под ним, если уже не зашли дальше. Осторожно ступая, я прошел еще около пятидесяти ярдов и остановился, подняв свет повыше... как оказалось, к счастью: ибо едва ли не в трех шагах от меня тропа исчезала и на месте ее зияла бездна, повергнувшая меня во внезапный ужас.

Осторожно я приблизился к краю ее и заглянул дальше, но ничего не сумел увидеть. Я подобрался к краю прохода, чтобы посмотреть, не сворачивает ли тропа. Здесь, возле стены, я обнаружил, что вперед ведет узкий карниз шириной около трех футов. Я опасно ступил на него и чуть ли не сразу пожалел об этом: буквально через несколько шагов тропа исчезала, превращаясь в едва заметный уступ. По одну его сторону каменной стеной к незримому своду пещеры вздымалась скала, по другую зияла пропасть. Я не мог не подумать о том, насколько беспомощным окажусь теперь, не имея места, чтобы повернуться, если на меня нападут сзади... даже отдачи оружия могло хватить, чтобы сбросить меня в темные глубины.

К моему огромному облегчению, почти сразу же карниз вдруг расширился до прежнего своего размера. Продвигаясь вперед, я заметил, что тропа начала забираться вправо, и через несколько минут выяснилось, что я не подвигаюсь вперед, а попросту обхожу огромный колодец.

Через пять минут я вернулся к началу обхода, полностью обогнув огромное жерло не менее ярдов ста в поперечнике.

Некоторое время я стоял, погружившись в раздумья.

– Что значит все это? – буквально криком пульсировала моя голова.

Вдруг в голову мне пришла идея, и я попытался нащупать кусок камня. Наконец под руку попался какой-то желвак величиной с небольшую буханку. Воткнув свечу в какое-то углубление на полу, я отошел от края и, сделав несколько шагов, метнул камень в пропасть – подальше от стенок. Потом я склонился вперед и стал слушать; однако, несмотря на полное мое безмолвие, ни один звук так и не донесся до меня из бездны.

Теперь я знал, что глубина ее не поддавалась сознанию, ибо выбранный мною камень был достаточно велик, чтобы наделать достаточно шума, надолго пробудить шепчущее внизу эхо. В месте этом многократно умножался даже звук моих шагов. Глубокий колодец вселял в мою душу неподдельный трепет, и я охотно повернул бы в тот миг обратно по собственным стопам, оставив в покое все здешние тайны, но сделать так означало признать свое поражение.

Потом я подумал, что могу попытаться все-таки оглядеть эту пропасть, если расставлю все свои свечи вдоль края ее, тогда можно будет, по крайней мере, составить некоторое впечатление о ее размерах.

Пересчитав свечи, я обнаружил, что располагаю пятнадцатью, – я уже говорил, что первоначально намеревался сделать из них факел. Эти свечи я и разместил вокруг жерла с интервалом примерно в двадцать ярдов между ними.

Завершив новый обход, я тут же обнаружил, что яркости свечей совершенно не хватает для моих целей. Они лишь чуть разогнали тьму. Удалось мне только одно: свечи еще более подкрепили мое мнение о размерах жерла... и хотя ничего рассмотреть не удалось, свет их – радуя глаз – нарушил плотный мрак пятнадцатью крошечными звездочками, горящими в подземной ночи.

И тут вдруг Рыжик отчаянно взвыл, отзвуки его голоса понеслись вниз и умерли в бездне. Быстрым движением я поднял повыше свечу, что оставалась в руке моей, и глянул на пса, и в тот же самый миг до слуха моего донесся звук, подобный дьявольскому смешку, донесшийся из доселе безмолвных глубин Ямы. Я вздрогнул, а потом решил, что, наверно, это эхо таким образом изменило голос собаки.

Пес находился теперь в коридоре, в нескольких шагах от меня, и что-то вынюхивал на полу, потом я услышал, как он лакает; опустив свечу, я приблизился к нему. Под сапогами хлюпнула вода; свет отразился от поблескивающей змейки, торопливо пробиравшейся в Яму мимо моих ног. Пригнувшись пониже, я не смог сдержать возгласа удивления. Сверху от входа по направлению к Яме бежал ручеек, становившийся сильнее с каждым мгновением.

Глубоко заворчав, Рыжик приблизился ко мне, ухватил за пальто и повлек к выходу. Нервным взмахом руки я оттолкнул пса и быстро прижался к левой стене. Если что-то приближается к нам, лучше иметь стену за спиной.

Я беспокойно поглядел вверх – в проход – и даже при свете свечи успел заметить, как наверху что-то блеснуло. В тот же самый миг сверху донесся оглушительный рев, становившийся все громче и уже наполнявший всю пещеру своим грохотом. Нутро Ямы отозвалось гулким и глубоким эхо, подобным рыданию гиганта. Тут я отпрыгнул в сторону – на узкий карниз, что огибал пропасть, – и мимо меня пронеслась пенистая стена, ухнувшая прямо в ждущие недра пропасти. Облако водяной пыли охватило меня, затушило свечу, промочило насквозь. Я не выпускал ружья. Три ближайшие свечи погасли, остальные только мерцали. После первого натиска поток сделался ровным, достигая, быть может, в глубину целого фута, хотя я смог убедиться в этом, лишь взяв с карниза одну из расставленных мною свечей и заново отправившись на рекогносцировку. К счастью, последовав моему примеру, Рыжик выпрыгнул на карниз и теперь, приуныв, жался ко мне.

Короткий осмотр показал, что вода затопила весь проход. Несшийся навстречу с громадной скоростью поток становился глубже прямо на моих глазах. Я мог только гадать о том, что произошло наверху... ясно было одно – вода каким-то образом сумела найти себе путь из котловины. Значит, течение будет только убыстряться, и наконец окажется, что выйти никак нельзя. Мысль эта вселяла страх. Конечно же, следовало выбираться – и побыстрее. Взяв ружье за ствол, я промерил им глубину. Едва не достававший до моего колена поток рушился в Яму с оглушающим шумом. Кликнув Рыжика и опершись на ружье как на посох, я шагнул в поток, и вода немедленно взметнулась до бедер – столь велик был ее напор. На какой-то миг я едва не потерял опору, но мысль о пропасти, что разверзлась за моей спиной, вдохновляла меня к отчаянным усилиям. Медленно, шаг за шагом, я стал продвигаться вперед. Каково приходилось Рыжику, мне не удавалось даже подумать. Сил моих хватало лишь на то, чтобы удерживаться на ногах, а потому я ощутил огромное счастье, когда пес очутился возле меня. Он мужественно брел вперед. Ноги у Рыжика длинные, тонкие... он

высокий пес, и – должно быть – вода меньше мешала его движениям, чем моим. Во всяком случае, ему было легче, чем мне; зайдя вперед Рыжик невольно – а может, и преднамеренно – раздвигал воду, ослабляя ее напор на меня. Так мы и шли, с трудом делая шаг за шагом, задыхаясь, и одолели в итоге почти сотню ярдов. И тут – из-за какой-то беспечности, или же просто потому, что под ноги подвернулось скользкое место, – я потерял равновесие и упал вперед лицом. Вода с пугающей скоростью повлекла меня вниз к бездонной дыре. Я отчаянно сопротивлялся, но ноги мои не могли отыскать опоры. Я задыхался и уже начинал тонуть. И тут кто-то ухватил меня за пальто, остановив на месте. Это был Рыжик. Должно быть, заметив неладное, он бросился следом и сумел удержать, пока я не поднялся на ноги.

Кажется, я успел разглядеть несколько огоньков, впрочем, не могу быть в этом уверен. Если я не ошибся, меня смыло к самому краю этой жуткой пропасти, и только там Рыжик сумел задержать мое падение. Огоньками, конечно же, мне показались свечи. Но я уже говорил, что не знаю, так ли было на самом деле, ибо глаза мои были полны воды, а падение потрясло меня.

Лишенный света, потерявший ружье, в смятении я был вынужден вновь одолеваять глубокий поток, чтобы выбраться из этой преисподней, полагаясь на своего старого друга Рыжика.

Я встал, обратившись лицом к течению – лишь так еще можно было удержать равновесие... даже старина Рыжик не мог выстоять против этого ужасного напора без неосознанной помощи с моей стороны.

Быть может, прошла минута, и, наконец решившись, я возобновил мучительный подъем против течения. Так начался мой суровый поединок со смертью, в котором на победу можно было только уповать. Я шагал, неторопливо, яростно, безнадежно, а верный Рыжик вел меня... тянул... вверх, вперед, и наконец перед нашими глазами забрезжил благословенный свет. До входа в коридор оставалось лишь несколько ярдов, и я добрался до него, ступая в бурлящей воде, уже поднявшейся до паха.

Тут я понял причину катастрофы. Снаружи хлестал ливень, вода стекала в котловину ручьями, и уровень озера поднялся вровень с проходом... что там – сделался выше! Дождь и вызвал этот потоп – иначе вода поднималась бы еще несколько дней.

К счастью, веревка, по которой я спустился, свисала среди потоков воды прямо в отверстие; ухватившись за ее конец, я старательно обвязал им Рыжика вокруг груди, а потом, собрав весь остаток своих сил, ухитрился выползти на край утеса. На край Ямы я выбрался уже в последней стадии изнеможения. Тем не менее, мне пришлось предпринять еще одно усилие, чтобы вытащить Рыжика в безопасное место.

Медленно и устало я налегал на веревку; Рыжик – собака увесистая, а я потерял уже все силы. Но, отпустив лить, я бросил бы пса на верную смерть, и мысль эта помогла мне собраться. Конец всего приключения почти изгладился из моей памяти. Помню только, как тянул веревку, как невыносимо тянулись мгновения. Еще помню, как из-за края утеса вынырнула морда Рыжика... наверное, до этого прошла целая вечность, а потом вдруг настала тьма.

Глава XIII

Люк в Большом Погребе

Должно быть, я потерял сознание, потому что вновь открыл глаза, когда было уже темно. Я лежал на спине, скрестив ноги, а Рыжик лизал мне ухо. Я ужасно окоченел, ноги мои онемели ниже колен. Несколько минут я оставался в этой же позе, стараясь прийти в себя, а потом с трудом сумел сесть и оглядеться вокруг.

Ливень уже прекратился, хотя с деревьев повсюду капало. Со стороны Ямы доносилось непрерывное журчание бегущей воды. Мне было холодно, и я дрожал. Одежда моя промокла насквозь, тело ныло. Очень медленно, позволяя жизни вернуться в онемевшие ноги, я сумел встать. Но с делом этим, однако, справился со второй попытки... ноги мои ослабели, я ощущал ни на что не похожую слабость. И, подумав, что заболеваю, нетвердыми шагами направился к дому. Я то и дело оступался, голова кружилась. С каждым шагом острая боль пронзала мои суставы.

Наверно, я одолел таким образом шагов тридцать, когда голос Рыжика привлек мое внимание, и мне пришлось повернуть обратно. Старый пес стремился следом за мною, но не мог шагнуть – веревка, на которой я поднял его наверх, все еще охватывала его тело, а другой ее конец по-прежнему был привязан к дереву. Какое-то время я пытался развязать узлы, однако веревка намочила, и я не мог с ними справиться. Потом я вспомнил про нож, и через минуту справился с прочной пенькой.

Не знаю, как я добрался до дома... еще менее того помню о последовавших днях. И только в одном я уверен: если бы не любовь сестры моей, не ее непрерывный уход – не писать бы мне эти строки.

Очнувшись, я обнаружил, что провел в постели около двух недель. Еще одна неделя потребовалась мне, чтобы окрепнуть и выбраться в сад. Но я ослабел настолько, что не мог еще добраться до края Ямы. Мне хотелось попросить сестру проверить, насколько поднялась в Яме вода, однако я посчитал за лучшее не тревожить ее упоминанием об этих событиях. Вообще с тех пор я взял за правило не заговаривать в ее присутствии о странных вещах, происходивших в огромном старинном доме.

Еще через пару дней я сумел добраться до края Ямы. Оказалось, что за эти несколько недель там произошла удивительная перемена. Передо мной оказалось на три четверти затопленное ущелье; я увидел большое озеро, гладь которого отливала холодным блеском. Вода поднялась настолько, что до края Ямы оставалось всего лишь с дюжину футов. Лишь в одном месте поверхность озера была беспокойной – как раз там, где под толщей воды зиял вход в подземелье, ведущее к огромной подземной Яме. Там вода бурлила, а иногда из глубин с рыданием вылетало странное бульканье. О том, что творилось внизу, нельзя было и догадаться. И пока я стоял, в голову мне пришла мысль о том, как чудесно сложились все обстоятельства. Ход, выпустивший в наш мир Свинорылов, оказался теперь запечатанным, и притом столь надежно, что впредь можно было не опасаться их нового появления. Тем не менее, было чуточку жаль, что мне уже не суждено узнать о месте, из которого явились ужасные твари. Теперь оно было навсегда укрыто от людского любопытства.

Зная, что таилось в той адской преисподней, можно было только дивиться точности этого имени – Яма. Если представить, как и когда возникло это ущелье, учесть его форму и

глубину, более уместное наименование было бы сложно найти. Разве не вероятно, что имя это таило в себе более глубокий смысл, намекая на подземные глубины, на ошеломляющую бездну, разверзшуюся в недрах земных под моим старинным домом. Под моим собственным домом! Даже теперь я в сущности не могу примириться с этой мыслью. Хотя уже, вне сомнения, доказал, что прямо под домом разверзлось бездонное жерло, не прикрытое прочным скальным сводом.

Тогда я решил снова спуститься в подвалы – в то огромное подземелье, где находится люк. И посмотреть – все ли на месте.

Оказавшись там, я медленно прошел в середину погреба, к самому люку. Куча камней, как прежде, была навалена на него сверху. Теперь со мной был фонарь, и я решил посмотреть, что же таится за огромной дубовой плахой. Поставив фонарь на пол, я своротил с крышки камни и вновь потянул за кольцо. И как только я это сделал, в погреб ворвался далекий ропот. Влажный ветер дунул мне прямо в лицо, оросив его брызгами. И я торопливо выронил крышку – с испугом и удивлением.

На какое-то время я просто застыл в размышлениях. Особого страха я не испытывал. Ужас перед Свинорылами давно оставил меня, но я, конечно, был изумлен и обеспокоен. Тут в мою голову пришла некая мысль, и нервным движением я приподнял громадную дверцу. Откинув ее в сторону, я схватил фонарь и, став на колени, опустил его в отверстие. Влажный ветер и капли некоторое время не позволяли мне даже смотреть, но и когда глаза мои очистились от влаги, я не увидел внизу ничего, кроме мелких капель, взмывавших из мрака.

Осознав, что так я ничего не увижу, держа фонарь перед своими глазами, я искал в карманах кусок шнура, чтобы опустить фонарь пониже. Но пока я возился, светильник выскользнул из моих рук и полетел во тьму. Какое-то мгновение я провожал его взглядом, и наконец внизу мелькнула белая пена – футах в восьмидесяти или ста подо мною. И свет погас. Догадка моя оказалась правильной, я угадал, откуда взялась влага и шум. Большой погреб сообщался с Ямой через люк, располагавшийся прямо над нею, а брызги поднимал поток, рушащийся в глубины.

В одно мгновение я получил объяснение всему, что меня озадачивало. Теперь я понял, почему в ночь нападения звуки, казалось, доносились прямо из-под моих ног! А то хихиканье, что слышал я, открывая люк! Должно быть, кто-то из Свинорылов прятался в темноте прямо подо мною.

Тут мне в голову пришла другая мысль. Утонули эти твари или нет? Да и можно ли вообще утопить их? Я вспомнил, что не сумел отыскать доказательств смертельного исхода своих оборонительных действий. Живые ли они... наделены ли привычной для нас жизнью? Что, если я имею дело с призраками? Мысли эти вспыхивали в моей голове, пока, стоя во мраке, я пытался нащупать в кармане спички. Отыскав коробок, я немедленно засветил одну спичку и, шагнув к люку, закрыл его. А потом снова завалил камнями – теперь можно было выбираться наверх.

Я полагаю, что вода до сих пор так и течет, низвергаясь в эту бездонную адскую дыру. Иногда я испытываю необъяснимое желание спуститься в огромный погреб, раскрыть люк и глядеть во влажную тьму. Временами желанию этому трудно противиться. Но не любопытство гонит меня туда; нечто необъяснимое заманивает меня в подземелье. Впрочем, я не сдаюсь и намерен бороться со странным стремлением и одолеть его, даже если дойдет до крайности – до самоубийства.

Нельзя позволять себе думать, что несгибаемая сила воли может ослабнуть. Тем не

менее инстинкт твердит мне, что это не так. А в подобных материях следует доверять не разуму, а инстинкту.

Еще одна мысль не расстается со мной. Нечего сомневаться: я живу в странном, поистине жутком доме. Но куда, куда же деваться мне, где еще найти уединение и ощущение присутствия ее^[5], только и делающего сносной мою постылую жизнь.

Глава XIV

Море Снов

После всего случившегося со мною я стал серьезно подумывать о том, чтобы оставить дом, и так бы и поступил, не случись то великое и удивительное событие, о котором я собираюсь поведать.

Верный совет давало мне сердце, невзирая на все грозные и необъяснимые знаки: ведь оставив дом, я не увидел бы вновь лицо той, которую любил. Да, немногие знали о моей любви, а теперь о ней помнит лишь сестра моя Мэри; я тоже любил и, увы... утратил любимую.

Мне следовало бы написать об этих милых ушедших днях, но зачем же беречь старые раны; впрочем, после всего, что случилось, чего еще ожидать мне? Да, она явилась ко мне – из ниоткуда. И странно – она предупреждала меня, с жаром предупреждала, настаивала, чтобы я покинул этот дом; но на вопрос мой прямо ответила, что не смогла бы прийти ко мне в другое место. А потом снова настаивала на своем... она честно сказала мне, что место это давно было предоставлено злу, отдано во власть его мрачных законов, неведомых людям. А я... я снова спросил ее, сможет ли она посетить меня где-нибудь в другом месте, и она промолчала.

Так я узнал о Море Снов, такое имя дала она этому краю своими ласковыми устами. Я пребывал в кабинете за чтением и, должно быть, задремал над книгой. И вдруг проснулся, вздрогнул и выпрямился. Озадаченно я оглядывался по сторонам, ощущая нечто необыкновенное. Комната словно подернулась туманом, в котором странно растворялись столы, стулья и прочая мебель.

Вокруг словно бы из ничего сгущалась дымка, и вдруг тихий белый свет затопил комнату. За ним угадывались огоньки свечей. Я огляделся... мебель была еще видна, но как-то утратила свой реальный облик. Как будто на месте предмета оказался его нематериальный двойник.

Я глядел, и вещи вокруг меркли, постепенно словно бы растворяясь в этом сиянии. Наконец я обратил внимание на свечи. Они все еще мерцали, но тоже теряли блеск. Вся комната теперь наполнилась мягким свечением, похожим на дымку. Более я ничего не видел. Даже стены исчезли.

Наконец я ощутил, слабый непрерывный звук, трепетавший в обволакивающем меня молчании. Я внимательно вслушался. Звук становился все более отчетливым, и наконец оказалось, что я внимаю вздохам великого моря. Не могу сказать, сколько времени прошло таким образом, но потом оказалось, что я стою на берегах огромного тихого моря и могу видеть сквозь этот туман. По обе руки гладкий и ровный берег исчезал в невероятной дали. А впереди раскинулись сонные беспредельные воды. Временами по поверхности как будто скользили неясные отблески... но, так ли это было на самом деле, не знаю. За спиной моей вздымались огромные черные скалы. Холодное серое небо ровно светилось; колоссальный шар бледного пламени, стоявший невысоко над горизонтом, освещал спокойные воды.

Только мощное бормотание волн нарушало царившее повсюду безмолвие. Долго я стоял, озирая странный простор. И наконец словно пузырь белой пены возник передо мной, и вдруг – что гадать, как это случилось, – передо мной, перед глазами моими оказалось ее лицо...

что там – душа ее. И она глядела на меня с такою скорбью и радостью, что я как слепец рванулся к ней со слезами, ужасом и надеждой. Но, невзирая на слезы мои, она оставалась на поверхности моря и лишь грустно качнула головой, и все же в глазах ее промелькнула та самая земная нежность, которую я знал еще до нашей разлуки.

При виде такой строгости, я забылся и попытался шагнуть к ней, но не сумел этого сделать. Путь мне преградил какой-то невидимый барьер, и я остался на месте, выражая свое горе только слезами... Дорогая, родная моя – но ничего более сказать не мог. И тут она словно перенеслась ко мне и прикоснулась ладонью – так, словно само небо отверзлось. Но тщетно тянул я к ней свои руки, с ласковой строгостью она запретила мне... [6]

Отрывки, уцелевшие на испорченных листах

...сквозь слезы... вечность шумела в моих ушах, мы расстались... она, любовь моя, о, Боже мой!

Долго я пробыл в оцепенении, а потом оказалось, что я один в черной ночи. Тут я понял, что вновь вернулся назад – в ведомую людям вселенную. Наконец я вынырнул из кромешного мрака. Вокруг были звезды... время... солнце далекое, дальнее.

Я нырнул в тот простор, что отделяет нашу солнечную систему от прочих солнц. Так я несся через окружающий мрак и следил за тем, как все ярче и крупнее становится солнце. Однажды я обернулся и увидел, что звезды сдвигаются за моей спиной, – так быстро несся мой дух.

Я подлетал все ближе, вот уже впереди зажегся фонарик Юпитера, вот и холодная голубизна земного огонька. Я испытывал восхищение. Вокруг Солнца быстро кружили яркие светила. Две яркие искорки возле самого Солнца, чуть подалее третья, голубая... я знал, что это Земля. Солнце она обегала, должно быть, за земную мину...

...ближе с огромной скоростью. Я видел, как волчками неслись мимо меня Сатурн и Юпитер по своим просторным орбитам. И я приближался, глядя на это небывалое зрелище – на планеты, кружившие вокруг родной звезды. Словно бы время исчезло для меня, и год для моего бесплотного духа стал все равно что миг для привязанной к Земле души.

Скорость планет возрастала, и вот Солнце уже окружено тонкими, в волосинку, яркими кольцами – так быстро мчались вокруг центрального огня планеты.

...и солнце вдруг вспухло – словно рванулось ко мне навстречу, а я уже мчался между внешних планет, где в голубом кольце на своей орбите отчаянно носилась Земля... [7]

Глава XV

Шум в ночи

А теперь подхожу я к описанию самого странного события из тех, что случались со мной в этом таинственном доме. Оно произошло не скоро – через месяц, но я не сомневаюсь в том, что видел истинный конец, ожидающий все сущее на Земле. Однако продолжу.

Не знаю, почему так случилось, но я не мог описать все события сразу же после того, как они произошли. словно бы приходилось ждать, вновь обретать внутреннее равновесие, переосмысливать то, что слышал я или видел. Вне сомнения, так получается лучше, ибо через некоторое время я могу точнее припомнить подробности, описать их более спокойным и критическим тоном. Но это – кстати.

Сейчас конец ноября. Повествование мое относится к первой неделе этого месяца.

Это случилось ночью, около одиннадцати. Мы с Рыжиком коротали время в моем кабинете – громадной старинной палате, где я читаю или работаю. Интересно заметить, что читал я как раз Библию. В те дни я ощущал огромный интерес к этой великой и древней Книге. Вдруг дом сотрясся, и издали донесся шум, превратившийся в негромкий лязг... словно бы стрелка огромных часов сорвалась и закрутилась по циферблату. Толчок более не повторился. Я глянул на Рыжика. Пес спокойно дремал.

Шум постепенно утих, настало долгое молчание.

И вдруг вспыхнул свет в торцевом окне, выступающем из стены дома так, что из него можно глядеть и на запад и на восток. Недоумевая, я встал и после недолгих колебаний пересек комнату и отшел в сторону шторы. И увидел – из-за горизонта вставало Солнце, поднимавшееся быстро и резко. Я видел, как двигается оно. Через минуту светило добралось уже до вершин деревьев. Все выше и выше взлетало оно, и вот наступил день. Позади меня что-то пищало подобно москиту. Обернувшись, я понял, что звук исходит от часов. Только за тот миг, что я смотрел на них, они отмерили час. Минутная стрелка неслась по циферблату быстрее, чем это положено секундной. Часовая стрелка торопливо перемещалась от цифры к цифре. Я просто онемел от изумления. Чуть погодя разом погасли обе свечи. Я быстро повернулся к окну, тень переплета которого перемещалась по полу, словно мимо окна проносили огромный фонарь.

Теперь я видел, что Солнце уже высоко поднялось в небо и двигается столь же заметно. Оно, как бы всплывая, поднялось над домом. А когда окно ушло в тень, я увидел другую необычайную вещь: легкие облачка не плыли, неслись, словно их гнал яростный ветер. Тысячу раз в минуту, словно живые, они меняли форму и исчезали. За ними налетали другие, и все повторялось.

Солнце уже склонялось к западу – по-прежнему с немыслимой поспешностью. В собирающейся на востоке мгле скапливались тени, и я видел, как они ползут – крадучись, тайком выбираясь из-под разлохмаченных ветром деревьев. Странное зрелище.

В комнате стало темнеть, Солнце опустилось к горизонту и едва ли не рывком исчезло за ним. По южной части посеребрившего небосвода торопился к западу серебряный полумесяц луны. Вечер вдруг сделался глубокой ночью. Надо мной, описывая широкие дуги, беззвучно бежали на запад созвездия. Пронзая ночь, Луна канула вниз, оставив на небе одни только звезды...

Тем временем треск в углу прекратился, и я понял, что завод часов окончился. Через несколько минут я увидел, что небо на востоке вновь посветлело. Серое угрюмое утро рассеяло тьму и спрятало от моих глаз шествие звезд. Над головой бурлило безграничное море облаков, в котором за ночь на взгляд не произошло заметных изменений. Солнце скрылось, но, повинувшись игре туч, мир время от времени то светлел, то прятался в тени.

Свет исчез на западе, и Землю охватила ночь, которая принесла с собой сильный дождь и ветер, завывавший столь рьяно, словно все его бушевание за ночь спрессовалось в одну минуту.

Шум этот стих почти немедленно, облака рассеялись, и я вновь увидел небо. Звезды с ошеломляющей скоростью летели на запад. Тут я впервые понял, что хоть ветер и стих, в ушах моих что-то негромко гудит. И, услышав этот звук, я понял его причину: этот звук производил наш мир.

Но, пока я постигал все это, на востоке вновь вспыхнул свет. Несколько сердцебиений, и Солнце поднялось над деревьями. Вверх... вверх уносилось оно, и мир исполнился света. Быстро и резво миновав высшую точку, светило пало книзу, на запад. Так целый день миновал над моей головой. Несколько легких облачков промчались на север и исчезли. Солнце опустилось вниз быстрым нырком, и на несколько секунд меня окутала серая мгла.

Между югом и западом торопливо опускалась Луна. Ночь настала. За какую-то минуту Луна пролетела оставшийся атомы черного неба. Еще мгновение и Восток озарился новой зарей. Солнце выпрыгнуло из-за горизонта и поспешно помчалось к зениту. Тут однообразие картины нарушила новая деталь. От юга неслась грозовая туча, в одно мгновение затопившая весь небосвод. Она приближалась, и я увидел, как колышется передняя оконечность бури, чудовищной черной тканью затягивая небеса, бурля и пульсируя со зловещей многозначительностью. Миг миновал, хлынул дождь, и на уши мои обрушился сокрушительный рев грома.

Посреди грозы наступила ночь, и за какую-то минуту буря исчезла, оставив слуху моему лишь тихий шум мира. Над головой на запад неслись звезды, и немислимая скорость их движения вдруг заставила меня понять, как раскрутился наш мир. Я словно видел, как мчится он на фоне звезд.

Заря и солнце разом явились на небосклон, так быстро обращалась теперь Земля вокруг оси. Единым движением Солнце описало дугу, опустилось на запад и исчезло за горизонтом. Вечера я не заметил, таким кратким он оказался. А потом над головой снова помчались созвездия, полетела к западному окоему Луна. Считанные секунды потребовались ей, чтобы погрузиться в ночную синеву... И сразу же грянул рассвет.

Все вокруг ускоряло свое движение. Солнце описало быструю дугу по небу и исчезло за западным горизонтом, и ночь торопливо пришла, и вновь рассеялась тьма.

Новый день явился в мир и погас, и я заметил снег на земле. Ночь настала и снова сменилась днем. Выпрыгнуло солнце, и я заметил, что снег исчез, и опять наступила ночь.

Так происходило, и невероятный ход времени я воспринимал с глубочайшим трепетом. За секунды вставало и садилось Солнце, чуточку погода на небо вскакивала Луна, – бледный диск ее увеличивался и описывал дугу по глубокой ночной синеве, из-за восточного горизонта словно в погоне взмывало Солнце; затем снова наступала ночь, бесшумно неслись призрачные созвездия – хотя зрение отказывалось этому верить. Но с зари начавшийся день сменялся сумраком, а ночь торопливо превращалась в день – с каждым разом все быстрее и быстрее.

Последние три пролета солнца землю покрывал снег, невероятно таинственный в торопливых лучах взмывающей и падающей луны. Некоторое время потом небо оставалось закрытым колышущейся свинцово-белой пеленой, светлевшей и темневшей, следуя дню или ночи.

Облака рассеялись и исчезли, вновь передо мною осталось летящее Солнце и ночи, тенями мелькавшие мимо.

Быстрее, быстрее кружился мир. День с ночью совершались теперь за несколько секунд, но скорость все нарастала.

Чуть позже заметил я за Солнцем огненный след – явно потому, что уже слишком быстро несло оно в небесах мимо очей моих. Мчались дни, каждый быстрее предыдущего, и солнце приобрело уже обличье огромной пылающей кометы^[8]. А по ночам кометой казалась уже луна, бледная, четкая, быстрая... сияющий шар, оставляющий за собой пламенный след. Звезды теперь казались огненными волосинками на шкуре мрака.

Раз, отвернувшись от окна, я поглядел на Рыжика. Тут вновь вспыхнул день, и, увидев, что пес спокойно спит, я вновь отдался наблюдению.

Солнце теперь невероятной ракетой выскакивало из-за горизонта, буквально в одну-две секунды пролетало весь небосвод с востока на запад. Я не мог уже различить облака на небе, но оно сделалось как будто бы более темным. Короткие ночи заметно потеряли свою прежнюю черноту, и светлые ниточки звезд заметно потускнели. Скорость еще более возросла, и стало заметным, что Солнце слегка покачивается на небе – с юга на север и опять с севера на юг.

Так в странном смятении ума миновали часы.

И все это время Рыжик спал. Наконец, одинокий и встревоженный, я окликнул его, но пес не отреагировал на мой голос. Я вновь позвал его, чуть возвысив голос, но Рыжик не шевельнулся. Тогда я направился к нему и легонько тронул ногой, чтобы разбудить. От легкого прикосновения тело пса разлетелось. Да-да, буквально рассыпалось в прах и обломки костей.

Минуту, наверно, я глядел на бесформенные останки, которые некогда были Рыжиком, не веря себе самому. «Что произошло?» – спрашивал я себя, не сразу осознав, о чем свидетельствовала эта скорбная кучка праха. Вновь прикоснувшись к ней ногой, я понял, что подобное могло произойти лишь по прошествии множества лет. Великого множества.

Снаружи Дома трепетал томительный свет. А я, находившийся внутри его, старался осознать смысл, таившийся в грудке истлевших костей, рассыпавшейся по ковру. Но голова моя утратила способность мыслить.

Я окинул взглядом комнату и заметил, сколь пыльным и заброшенным сделалось помещение. Повсюду была грязь – какие-то кучки скопились в углах, толстый слой пыли покрыл мебель. Даже ковер исчез под слоем той же самой вездесущей субстанции. Я шевельнулся, вздымая клубы пыли, осыпаясь на ноздри, она заставила меня хрипло чихнуть.

Взгляд мой вдруг снова обратился к останкам Рыжика, и я замер, уже голосом воздавая дань смятению: или действительно пролетели несчетные годы, или же меня завлекло вглубь видения, сделавшегося реальностью. Я умолк. Новая мысль пришла мне в голову. Торопливо – но как оказалось неуверенной походкой – я направился через комнату к огромному трюмо и заглянул в него. Зеркало тоже было покрыто грязью, ничего не увидев, я принялся дрожащими руками стирать с него пыль. И наконец увидел себя – вместо рослого крепкого мужчины, едва ли выглядевшего на пятьдесят, передо мной оказался дряхлый старец,

столетнее лицо которого было изрезано сеткой мелких морщин. Волосы – едва ли не угольно-черные еще несколько часов назад – сделались серебряными. Только глаза оставались ясными. Медленно начинал я замечать в древнем старце слабое сходство с прежним собою.

Я отвернулся и приблизился к окну. Теперь мне было уже известно, насколько успел я состариться, и неровная походка лишь подтвердила это. Некоторое время я задумчиво глядел на торопливо меняющийся ландшафт. Но и за эти мгновения успел миновать год, и с негодованием я оставил окно. Пальцы мои дрожали от старости, и с губ сорвалось короткое рыдание.

Некоторое время я неуверенно бродил от окна к столу и обратно, взгляд мой с нелегким чувством скитался по комнате, отмечая, как она обветшала. Все было укрыто густым одеялом пыли – темным, навевающим сон. Каменная решетка проржавела... цепи, удерживавшие в часах медные грузы, давно распались и лежали под циферблатом двумя горками ярь-медянки.

Я огляделся еще раз... мне казалось, что мебель вокруг гниет и распадается у меня на глазах. И это не было моей выдумкой: вдруг с треском перегнившего дерева на боковой стене рухнула полка, вывалившая на пол свое содержимое, подняв при этом в воздух мириады атомов пыли.

Какую усталость я ощущал! При ходьбе мне казалось, что суставы мои громко скрипят на каждом шагу. Я подумал о сестре. Неужели она тоже умерла, как Рыжик? Все случилось столь внезапно и быстро. Значит, именно так начинается конец всего мира! Я подумал, что надо бы сходить к ней, однако усталость не позволила мне исполнить свое желание. Потом... она так странно реагировала на все недавние события. «Недавние»... Повторив это слово, я еле слышно расхохотался – в голову мне пришло, что с тех пор протекло не меньше половины столетия. Целых полвека! А может и в два раз больше!

Я вновь подошел к окну, чтобы еще раз поглядеть на мир. В лучшем случае смену дня и ночи теперь можно было назвать мерцанием. Время все ускорялось, так что ночами Луна оставляла за собой светящийся след, призрачную туманность, прежде чем опуститься за горизонт, – все это повторялось и повторялось.

Мелькание дней и ночей убыстрялось. Дни сделались заметно темней, словно бы какой-то сумрак затмил атмосферу. Ночи сделались такими светлыми, что звезд почти не было видно, лишь кое-где вдалеке от Луны еще вспыхивали огненные волосинки, чуть извивавшиеся, следуя движению ночного светила.

Быстрее и быстрее мерцали, сменяя друг друга, ночи и дни, и наконец мерцание прекратилось... ровным светом озаряла мир пламенная дорога, могучими рывками колебавшаяся с севера на юг.

Небо теперь сделалось темнее, и в извечной синеве ощущался мрак, словно бы сквозь нее глядела на землю внешняя тьма. И еще – казалось оно ужасно пустым и чистым... лишь изредка замечал я призрачную тропу, устремлявшуюся к солнечному потоку, она исчезала и вновь появлялась. След этот оставляла Луна.

Рассматривая ландшафт, я замечал, как дрожала земля перед моими глазами; причиной тому были, возможно, тени, отбрасываемые колеблющимся солнечным потоком, или же невероятно быстро преобразовывалась сама поверхность нашей планеты. Снег то исчезал, то ложился – словно бы невидимый гигант то и дело прикрывал равнину белой простыней и снимал ее.

Время мчалось, и усталость моя сделалась непреодолимой. Оставив окно, я побрел через комнату, толстый слой пыли приглушал мои шаги. Буквально каждое движение давалось мне со все большим и большим трудом. Нестерпимая боль пронзала сразу все суставы, и я двигался вперед неуверенными шагами.

Возле противоположной стены я остановился и замер, забыв, зачем шел. И, поглядев налево, увидел свое старинное кресло. Видом своим оно сулило покой взбудораженным чувствам несчастного старика. Но теперь я был уже настолько измучен, настолько стар и немощен, что едва мог стоять, и только разумом стремился одолеть оставшиеся ярды. Я шатался на месте. Отдых сулил даже пол, но дремотный покров пыли казался слишком плотным и черным. Усилием воли я заставил себя повернуться и направился к креслу. А потом, наконец, с благодарным стоном осел в него.

Все вокруг меня потускнело. Немыслимо! Еще прошлой ночью я был крепким, хотя и немолодым уже человеком, а теперь, через несколько часов... я глянул на кучку пыли, оставшуюся от Рыжика. Часов! Раздался мой собственный дребезжащий старческий хохот – пронзительный, кашляющий, туманивший мой разум.

Наверно, я задремал. А потом, вздрогнув, открыл глаза. Где-то на другом конце комнаты что-то глухо ударило об пол. Облако пыли вздыбилось над грудой обломков. Возле двери послышался треск – это повалился один из буфетов, но я настолько устал, что не мог уже повернуть голову и посмотреть. Закрыв глаза, я погрузился в дремотное полузабытье. Раз, а может, и два из-за каких-то далеких туманов доносились до меня слабые шумы. Потом я, наверно, уснул.

Глава XVI

Пробуждение

Вздвогнув, я проснулся. И какое-то время не мог понять, где нахожусь. А потом память вернулась.

Комната была все еще залита странным светом: лунным, солнечным ли – наверное, наполовину тем и этим. Я ощущал бодрость... усталость и дряхлость оставили меня. Медленно приблизившись к окну, я поглядел наружу. По небу текла река пламени: она поднималась вверх и опадала полукружьем огня, приплясывающим с севера на юг. Губительный серп времени, подумалось мне, разящий зубцами годов. Так ускорилося теперь время, что уже не было видно Солнца в пути его с востока на запад. Лишь с севера на юг пульсировал солнечный ручей, да и то так быстро, что движение его казалось теперь подрагиванием.

А я вдруг вспомнил о своем последнем путешествии к Внешним Мирам. О видении, что посетило меня... в котором я приближался к окраинам Солнечной системы и видел, как неслись вокруг Солнца планеты, словно бы повинуюсь власти Времени, раскручивавшего Машину Вселенной за какие-то несколько часов... или мгновений. Воспоминание погасло, и я подумал, что, должно быть, дозволено мне заглянуть в иное пространство и время. Я глядел и глядел на текущее по небу Солнце. Скорость нарастала и нарастала. Миновало несколько жизней, а я все глядел.

И вдруг, со странной серьезностью, я удивился тому, что еще жив. Память о Рыжике заставила меня удивиться тому, что я почему-то избежал его участи. Достигнув предела своей жизни, пес умер, должно быть, просто от старости. А я – я жив, через сотни тысяч столетий после положенного смертного часа.

Некоторое время я просто дивился в рассеянности.

– Вчера... – начал я и умолк. Вчера! Какое вчера! Тот вчерашний день, о котором я хотел заговорить, канул в бездну годов... или даже веков. Мысль эта ошеломляла.

Наконец я отвернулся от окна и оглядел комнату. Она преобразилась – стала совершенно, невероятно иной. И тут я понял, что именно показалось мне столь странным. В ней ничего не было... ничего, ни мебели, ни какого-нибудь другого предмета. Постепенно изумление мое испарилось: этим и должно было завершиться тление, которое, засыпая, ощущал я вокруг себя. Тысячи лет! Миллионы!

Пол укрывал густой слой пыли, поднимавшейся теперь на половину расстояния до подоконника. Слой этот утолстился до немислимой величины за время моего сна... каждый из несчетных веков приносил с собой новую порцию пыли. В ней покоились рядом и атомы истлевшей мебели и те, что принадлежали некогда давно уже мертвому Рыжику.

И тут я сообразил, что не помню, чтобы брел по колению в пыли после своего пробуждения. Да, несчетные века промелькнули передо мной, пока я стоял у окна, но нельзя было сомневаться в том, что еще больше времени миновало, пока я спал. Я вспомнил, что засыпал в своем кресле. Где же оно? Я глянул в ту сторону, где прежде находилось кресло. Конечно же, от него не осталось даже следа. Я не мог сообразить, исчезло оно до того, как я проснулся, или после. Если бы оно просто истлело подо мной, то я – вне сомнения – пробудился бы, упав на пол. А потом я подумал, что густой слой пыли мог смягчить мое

падение; так что, наверно, я проспал на пыли миллион лет или более.

Но пока мысли эти бродили в моей голове, я вновь поглядел туда, где прежде стояло кресло. И тут впервые заметил, что на пыли между мной и окном нет даже следа. Но ведь после моего пробуждения миновали не века – десятки тысячелетий.

Вновь задумчивый взгляд мой обратился к месту, где некогда стояло кресло. И тут рассеянность исчезла: там, где прежде находилось оно, вытянулась припорошенная пылью продолговатая горка. И все-таки покров ее был не настолько плотен, чтобы я не сумел догадаться, что именно скрывалось под ним. Я понял – и знание это повергло меня в трепет, – что передо мной находятся человеческие останки, расставшиеся с жизнью много веков назад... и лежали они как раз там, где я уснул. Труп, укрытый пылью, словно черным одеялом, покоился на правом боку, обернувшись спиной ко мне, Я различал каждый изгиб тела. Медленно паника стала овладевать мною... я понимал, что должен был упасть именно так, когда кресло мое наконец истлело.

Тут я стал понимать, содрогаясь не телом – душою; и ужасная, непереносимая мысль постепенно овладевала мной, превращаясь в уверенность. Тело под этим пыльным покровом принадлежало мне самому. Я не стал искать доказательств... потому что знал это, и лишь удивлялся тому, что так долго не понимал простейшую вещь. Теперь у меня не было тела.

После я покоился, пытаюсь приспособиться к этой мысли. Долгое время прошло – не знаю, сколько тысячелетий, – и я обрел некоторое спокойствие, позволившее мне обратить внимание на то, что происходило вокруг.

Наконец продолговатая горка осела, сравнившись с остальной пылью. Новые атомы нечувственно оседали на скопившийся за эоны могильный прах, Долго я стоял, отвернувшись от окна. Постепенно я сосредоточился, а мир несся сквозь столетия в грядущее.

Наконец я начал обследовать комнату и заметил, что время начало уничтожать даже это древнее сооружение. То, что оно простояло столько веков, было для меня несомненным доказательством того, что дом сей отличается от всех прочих. Прежде он не казался мне обветшавшим. Впрочем, я рассказал еще не обо всем. За долгое время, проведенное в раздумьях, я не мог не сообразить, что пережитые мною необычайные сроки должны были в пыль источить и сам камень стен – если только он состоял из земной материи. И вот время наконец прикоснулось и к нему. Штукатурка осыпалась со стен... все дерево исчезло из комнаты – века назад.

И пока я стоял в задумчивости, за моей спиной с глухим стуком, привлечшим мое внимание, из одного из крошечных наборных окошек выпал кусок стекла и, ударившись об пол, рассыпался в пыль. Тогда я обратил взгляд на стены и заметил просвет между двумя камнями – потому, что распался и соединявший камни раствор...

Потом я вновь повернулся к окну и выглянул наружу. Теперь скорость течения времени сделалась невероятной, боковое смещение солнечного потока превращало его в огненную полосу, с востока на запад протянувшуюся в южной стороне неба.

После небес взгляд мой упал на сады. Никаких подробностей там нельзя было различить... я видел одну только бледную грязную зелень. Мне показалось, что деревья вокруг сделались выше, что они подступили ближе к Дому, встав высоко над землею, но они, тем не менее, оставались далеко внизу, потому что скала, на которой стоит сей Дом, высоко вздымается к небесам над жерлом Ямы.

Потом я заметил, что ровный цвет садов начал меняться. Грязновато-бледная зелень все блекла и блекла. Потом она сделалась серо-белой и долго не меняла цвета. Наконец и серый

цвет начал таять, превращаясь в мертвенную белизну. И она осталась – ровная, неизменная. Так я узнал о том, что снег покрыл все северные земли.

Шло миллионлетие за миллионлетием... время текло сквозь вечность к собственному концу... и к завершению времен, о котором случалось мне подумывать в прежние мои дни на Земле. И вот близился конец мира – но никто из живших прежде не угадал путей его.

Помню, что именно тогда я начал испытывать истинное, несколько злоеющее любопытство; мне хотелось узнать, что-то будет, когда настанет конец, но я не мог этого угадать.

Тем временем распад продолжался. Немногие уцелевшие было грудки битого стекла истлели очень давно; впрочем, время от времени мягкий шлепок и облачко пыли возвещали о падении очередного кусочка глины или камня.

Я глянул вверх, на огненную полосу, сотрясавшую небеса надо мною в южной стороне неба. И тут увидел, что свечение угасло и полоса потускнела, обретая цвета.

Потом я поглядел вниз – на побелевшие просторы Земли. Изредка взгляд мой возвращался к темнеющей огненной полосе, что сразу и была солнцем, и скрывала его. Иногда взгляд мой обращался назад – в сумрак великой безмолвной палаты – к ковру сонной, за вечность скопившейся пыли.

Так глядел я... мимо летели века, и душа моя томилась в раздумьях, а изумление умножало усталость.

Глава XVII

Вращение замедляется

Должно быть, миллион лет спустя удалось мне заметить – теперь уже без тени сомнения, – что огненная полоса над миром действительно потемнела.

Минуло время, и пламя ее сделалось яркой бронзой. Медленно темнело оно, превращаясь в красную медь, неторопливо обретая глубокий пурпурный оттенок, странным образом напомилавший о крови.

Становилось темнее, но я не замечал, чтобы скорость движения Солнца уменьшилась: оно по-прежнему носилось по небу, сливая свои лучи в единое полотно.

И мир внизу – насколько я мог это видеть – сделался скорбным и мрачным, словно в ожидании конца.

Солнце умирало, в этом нельзя было сомневаться, но Земля еще летела вперед – сквозь пространство и все зоны. Тут, помню, необычное возбуждение охватило меня. Мысленно я терялся в странном хаосе, образовавшемся из некогда современных мне теорий и древних Библейских пророчеств о конце времен.

Тогда впервые подумал я, что Солнце со своими планетами все это время несло... и несется... с невыносимой скоростью. Но куда же? – вспыхнул вопрос. Очень долго размышлял я над ним, но, ощутив тщету всех мыслей своих, обратился к предметам менее сложным. Сколько же еще выдержит этот Дом? Еще я думал тогда о том, сколько еще суждено мне, лишенному тела, пребывать на Земле, ибо я знал, что недалеко время, когда всякий свет погаснет. А потом думы мои опять обратились к месту, к которому направляло свой полет Дневное Светило... Так снова миновало неведомо сколько времени.

Но мчалось оно, и я стал ощущать холод великой зимы. Тогда я вспомнил о том, что со смертью Солнца стужа делается воистину непереносимой. Медленно, медленно, пока зоны по каплям сочились в вечность, погружалась Земля в рдеющий кровавый сумрак. Тусклое пламя на тверди небесной сделалось еще более скорбным.

И тогда наконец разуму моему была явлена перемена. Завеса мрачного пламени, трепетавшая над головой ближе к югу, начала редеть и сужаться, и вновь в небе струной задрожал солнечный ручей, отклоняясь то к северу, то к югу.

Медленно таяла огненная полоса, и ясно видел я утихающие биения солнечного потока. И все же скорость его все еще оставалась непостижимо огромной. Но пламенная дуга постепенно тускнела, темнела... призрачными тенями угадывались очертания мира.

Река, плывавшая над головой, раскачивалась все реже; наконец на могучие колебания ее, на отклонения к северу и югу стали уходить уже секунды. Но двигалось время, и каждое биение совершалось уже за минуты; наконец я перестал замечать колебания: ровной речкой в безжизненном небе тек мрачный огонь.

Не знаю, сколько времени миновало, но вот пламенная дуга начала терять четкие очертания. Мне казалось, что на ней проступили оттенки, появились черные полосы. Наконец ровный ток прекратился, и я ощутил, что в мире стало то темнеть, то светлеть. И ночь на короткие мгновения вновь начала возвращаться на усталую землю.

Дольше и дольше становились ночи; наконец сутки сделались равными секундам, и Солнце опять появилось – едва заметным медно-красным диском. Теперь на лице его

проступали огромные темные пояса, прежде оставлявшие тени на солнечном потоке.

Годы и годы мерцали, дни и ночи растянулись в минуты; Солнце потеряло свой хвост и снова вставало, а потом садилось... огромный шар из огнистой меди, кое- где окованный бронзовыми – или же сумрачными – поясами. Полосы крови и сажи были разными по ширине. Долго раздумывал я над причинами их появления и наконец понял, что Солнце не способно остывать равномерно и полосы на лике его наверняка соответствуют областям, где температура больше или ниже. В красных жар еще не остыл, ну а в темных уже было прохладно.

Странно, подумал я, что Солнце остывает подобными поясами, но тут же понял, что подобный вид, должно быть, придает огромным пятнам на диске скорость его вращения. Само Солнце сделалось куда более огромным, чем помнил я по прежним дням. Возможно, оно приблизилось к Земле, решил я.

По ночам все еще светила Луна^[9], маленькая и далекая, и свет ее был настолько слаб и призрачен, что теперь казалась она лишь тенью прежнего ночного светила.

Постепенно ночи и дни удлинились; наконец они сделались равными примерно одному часу прежнего земного времени, и Солнце вставало и садилось, являя миру огромный диск, перечеркнутый чернильно-черными полосами. Тогда я снова сумел четко увидеть происходившее в садах. Мир сделался спокойным и неизменным. Но зачем я говорю это слово... о «Садах» теперь не могло быть и речи; я не видел внизу ничего знакомого мне. Предо мной лежала огромная равнина, простиравшаяся неведомо куда. Слева от меня виднелась невысокая гряда холмов. Повсюду земля была покрыта белым снегом... местами ровную поверхность его морщили гребни.

Тут я понял, сколь велик был снегопад. Снег лег столь глубоко, что ровные волны его справа укрыли горы, хотя, может быть, этот огромный сугроб намело над какой-нибудь возвышенностью. Но, как ни странно, невысокие холмы слева – я уже упомянул их – не полностью скрылись под белой пеленою; напротив, я кое-где я видел, как сквозь белую шубу проступают каменные ребра. Но повсюду царило немыслимое для нас молчание смерти... жуткая и недвижная тишина умирающего мира.

Ночи и дни тем временем все удлинялись. От рассвета до сумерек теперь, должно быть, протекало не менее четверти прежнего времени. Ночами я с удивлением видел на небе редкие звезды – крохотные, но немыслимо яркие. Я подумал, что дело, наверное, в том, что ночи стали черными вне всякой меры.

Далеко на севере виднелась какая-то дымка, чем-то схожая с Млечным Путем. Она казалась необычайно далекой... может быть – вдруг подумалось мне – там навсегда осталась звездная вселенная, которую я знал: далекое туманное пятнышко в глубинах пространства.

Дни и ночи медленно удлинялись. И с каждым разом встававшее Солнце казалось тусклее закатывавшегося. А черные пояса расползались вширь.

Тут случилось нечто еще небывалое. Солнце, земля и небо разом потемнели и на короткое время исчезли из вида. Я ощущал – зрение было бессильно, – что на Землю обрушился колоссальнейший из снегопадов. Наконец вуаль, закрывавшая от меня мир, исчезла, и я смог вновь выглянуть в окно. Удивительная картина предстала моему взору. Вся котловина посреди которой высится этот дом, все прежние сады утонули под толщей снега^[10], легшего на уровне подоконника. Повсюду простиралась бледная равнина, мрачным блеском отражавшая унылый медный свет умирающего светила. От горизонта до горизонта без пятнышка тени тянулась она.

Я поднял глаза к Солнцу. Оно светило... Диск его казался теперь более ровным и четким, чем когда-либо... исчезла тусклая завеса, что разделяла нас. И небо сделалось черным, и была чернота эта глубокой и чистой... жуткой в своей близости, неизмеренной глубине и абсолютной враждебности. Долгое время я глядел в эти бездны со страхом и трепетом – так близко были они. Будь я ребенком, то мог бы выразить свои чувства и мысли такими словами: это небо упало на землю.

Потом я вновь повернулся, чтобы оглядеть комнату. Все в ней было покрыто вездесущим покровом колкой белизны... Я едва видел, что стало внутри – так неярко сделался свет Солнца снаружи. Белизна покрывала и древние стены, и толстый слой мягкой пыли, доходившей теперь до колена. Должно быть, снег задуло через пустые проемы окон. Не то чтобы снег намело местами: он покрывал огромную древнюю комнату ровным слоем. К тому же ветра на Земле не было уже много тысячелетий. Но это был снег^[11], говорю я.

И была вся Земля безмолвна. И был холод на ней, которого не знали люди.

Днем ее озарял призрачный свет... я не в силах даже описать его. Словно бы я видел огромную равнину через толщу медного моря.

А Земля замедляла свое вращение...

Конец настал разом. После длиннейшей ночи на востоке показалось умирающее светило, и край диска его, поднявшийся над горизонтом, я приветствовал, словно друга – столь утомил меня мрак. Медленно поднималось оно – градусов на двадцать над горизонтом. И вдруг остановилось... покатило в обратную сторону и бессильно, огромным щитом повисло в небе^[12]. Только тонкое кольцо – край Солнца – еще сияло повсюду, да возле экватора виднелось пятнышко света.

Постепенно угасло и оно; и наконец вместо прежнего великого и величественного светила в небе повис мертвый диск, окаймленный тоненьким кружком бронзового огня.

Глава XVIII

Зеленая звезда

Мир стиснул жуткий мрак, нестерпимый и холодный. Но снаружи Дома все было спокойно... спокойно. В темной комнате за моею спиной, изредка глухо ударял^[13] очередной камень, отвалившийся от рассыпающейся стены. И шло время, но ночь поглощала мир, окутывая его покрывалом непроницаемого мрака.

Привычного нам ночного неба тоже не стало, еще сопротивлявшиеся ночи редкие звезды исчезли. словно бы я оказался в наглухо запертом погребке без огня. И в этом осязаемом мраке кольцом тускнеющего пламени светилась одна лишь огромная волосинка. И кроме нее не было ни огонька во всей ночи, что окружала меня, только далеко в северном небе еще слабо мерцала звездная россыпь.

Безмолвно шли годы. Сколько времени миновало, мне уже не узнать. Но ощущал я, как вечности, крадучись, сменяли друг друга... а я все ждал. И только края солнечного диска время от времени вспыхивали; теперь свет то появлялся, то угасал... зажжется ненадолго и исчезнет.

Однажды, во время коротких явлений света, яркое пламя прорезало ночь, осветив на короткий миг мертвую Землю, дабы увидел я ее безмолвное запустение. Свет исходил из Солнца, он наискось бил откуда-то из середины его диска. Какое-то время я смотрел, удивляясь событию, а потом пламя осело, и вновь спустилась тьма. Но теперь она не была столь густой: Солнце охватила тонкая полоска ослепительно белого света. Я глядел на нее, вопрошая, не вулкан ли пробудился на Солнце? Но от этой мысли я отказался почти немедленно: слишком уж ярким и большим было пламя для подобной причины.

Потом меня посетила другая идея. Что, если в Солнце врезалась одна из внутренних планет и светило вспыхнуло от удара? Гипотеза эта показалась мне более привлекательной, она лучшим образом объясняла и размер и яркость вспышки, столь неожиданно озарившей мертвый мир.

Исполнившись волнения и интереса, я принялся разглядывать тонкую ниточку, прорезавшую черную ночь. Ясно было одно: Солнце по-прежнему вращалось с головокружительной скоростью^[14]. Так понял я, что годы все еще летят с прежней невероятной быстротой; а жизнь Земли... свет и само время канули в небытие, затерявшись в забытых веках.

Теперь на небе светила лишь рожденная вспышкой полоса яркого пламени. И на моих глазах она медленно краснела, постепенно обретая тот рудый, медно-красный свет, каким прежде горело само Солнце. Но вот и полоса потускнела, а потом начала погасать и вспыхивать. И наконец погасла совсем.

Давно уже угас тлеющий край светила. И в невообразимой дали грядущих веков, во мраке и молчании, кружил наш погибший мир, совершая свой путь возле мрачного колосса – мертвого Солнца.

Трудно описать мои тогдашние думы. Сначала они сделались хаотическими и бессвязными. Но века приходили и уходили, и душа моя начала сдаваться одиночеству и грусти, охватившим усопшую Землю.

Чувство это удивительно прояснило мысли мои, я с отчаянием осознал, что мир наш

обречен на вечные скитания в этой беспредельной ночи. И вдруг нахлынула такая тоска, что я захотел было заплакать. Но печаль незаметно ослабла, наполняя душу новой безрассудной надеждой. Я терпеливо ждал.

Временами в ушах моих глухо отдавался стук падающих камней. Однажды послышался громкий треск, и я непроизвольно оглянулся, забыв на миг про непроницаемую ночь, что царила повсюду. Взгляд мой сразу же обратился к северу, к небесам. Да, туманная дымка еще светила. Я решил, что мне показалось, но она как будто бы стала яснее. Долго не отводил я от нее своего взгляда; одинокой душой ощущая, что сей тихий свет связан с прошлым. Странно... в чем только можно сыскать утешение! Но если бы я знал... впрочем, об этом позже.

Несколько раз размышления мои нарушали тяжкие удары больших кусков кладки; однажды мне показалось, что за спиной моей в комнате послышался шепот. Но пытаться что-либо разглядеть было совсем бесполезно. Этой тьмы, подобного мрака, невозможно даже представить. Она была ощутима, чудовищна в своей сути... она наваливалась на меня мертвой тушей... недвижимой и холодной как лед.

И тогда пробудилась в душе моей большая тревога, пробудилась и исчезла, оставив по себе лишь нелегкое чувство. Я понимал, что с ним нужно бороться, и, чтобы отвлечься, обратился к окну, пытаясь отыскать взглядом на севере туманное облачко – огонек оставленной нами вселенной. Но, подняв свои очи горе я изумился: посреди туманной дымки из света соткалась огромная ярко-зеленая звезда.

Я глядел, изумленный, и пытался понять, мчит ли Земля к этой звезде или от нее. Потом я подумал, что передо мной не вселенная, оставленная Землей, а одна из звезд, принадлежащая какому-нибудь другому огромному скоплению звезд, затерявшемуся в беспредельных просторах космоса. С трепетом и любопытством глядел я вперед, ожидая нового откровения.

Впитывая свет этого огонька посреди угольной тьмы, я думал. Надежда росла в душе, прогоняя еще не сдавшееся отчаяние. Куда бы ни летела Земля, она вновь приближалась к царству света. Свет! Чтобы понять всеобъемлющий ужас, охватывающий того, кто совсем лишился его, не обязательно провести в глухой ночи целую вечность.

Медленно, постепенно загоралась на небе зеленая звезда; наконец она уже светила как Юпитер в доброе старое время. Она увеличивалась, и свет ее становился все ярче... словно огромный изумруд метал в пустоту огненные стрелы лучей.

Годы проходили в безмолвии, и зеленая звезда пламенела на небе. Чуть погодя я заметил рядом с ней кое-что удивительное: постепенно из мрака начали проступать призрачные очертания огромного полумесяца колоссальной новой луны. Полностью озадаченный, я глядел на него. Полумесяц находился так недалеко – конечно же, относительно, – что я не мог понять, каким образом Земля могла настолько приблизиться к нему так, что я ничего не заметил.

Свет звезды становился все ярче, наконец я начал уже видеть земные просторы – впрочем, нечетко. Я глядел, пытаясь различить хоть какие-нибудь подробности, но света по-прежнему не хватало. Через какое-то время я оставил старания и вновь обратил свое внимание к зеленой звезде. За то короткое время, что я не глядел на нее, она выросла до четверти полной Луны, восхищая собою мой взор. Звезда ярко светила, но цвет лучей ее столь жутким образом не соответствовал нашему миру, что все вокруг казалось мне нереальным... и чем больше глядел я на сумеречный ландшафт, тем сильнее становилось это

чувство.

Тем временем сделался ярче и огромный полумесяц; теперь он тоже стал обретать зеленоватый оттенок. Звезда все росла, увеличивался на небе диск ее, обретая новую яркость, наконец она стала подобна полной луне, вместе с ней светлее становился и огромный полумесяц – только цвет его был чуть более глубоким. Лучи их сливались, и я вновь увидел лежащие передо мною просторы. Целый мир раскинулся передо мною, залитый ровным зеленым светом, жутким в своей холодной мертвенности.

Позже внимание мое отвлекалось, и я понял, что зеленое светило с севера начинает клониться к востоку. Сначала я не поверил себе; но вскоре сомнений уже не осталось. Медленно опускалась звезда, и зеленоватый полумесяц стал меркнуть, наконец превратившись в тонкую дужку света на мертвенном небе. Позже исчезла и она – в том самом месте, где появилась.

К этому времени звезда находилась уже градусах в тридцати над горизонтом. По размеру теперь она напоминала Луну в полной фазе; однако диска ее я не видел. Значит, решил я, звезда эта все еще находится в невообразимой дали от меня, а посему размер ее должен выходить за рамки всего, известного человеку.

Вдруг на моих глазах нижний край зеленой звезды исчез – его словно отрезало по прямой линии. А через минуту – или столетие – уже половина диска ее исчезла из вида. На далеких просторах великой равнины появилась колоссальная тень, быстро приближавшаяся ко мне. Теперь я видел только одну треть звезды. И вдруг решение этой загадки посетило меня: звезда опускалась за колоссальный диск погасшего Солнца. Или же, точнее, Солнце, повинувшись притяжению, вставало перед ней, увлекая за собой Землю^[15]. И пока я думал обо всем этом, звезда исчезла за огромным солнечным диском. Мрачная ночь вновь окутала Землю.

Вместе с тьмой вернулось и одиночество... а с ними и ужас. Я впервые вспомнил о Яме и ее обитателях. А потом подумал о куда более ужасной твари, что бродила по берегам Моря Сна... пряталась в темноте этого старого дома. Куда она подевалась? Я думал о ней – и содрогался от страха. На время ужас овладел мною, и я молил Бога – дикими и бессвязными словами – о том, чтобы хоть лучик света разогнал захватившую мир холодную черноту.

Сколько я еще ждал, сказать не могу... знаю только, что очень долго. Наконец над головой что-то блеснуло. Постепенно свет сделался более ярким. И вдруг мглу прорезал ослепительный зеленый луч. И в тот же самый миг ночь озарило бледное пламя. Мгновение – и на небе показалась часть диска звезды, озарившей мир под собой изумрудным сиянием. Медленно увеличивался лик звезды, и наконец она целиком появилась на небе. Только трудно было называть это светило звездой, настолько больше было оно, чем Солнце в прежние дни.

Тут я понял, что вижу теперь очертания остывшего Солнца, лунным полумесяцем парившего в небе; наконец видимой сделалась уже половина его диска, и звезда двинулась в правую от меня сторону. Время шло, и Земля медленно пересекала лик мертвого Солнца^[16].

Неспешно двигалась Земля, а звезда отступала вправо... наконец она оказалась за домом, и свет ее проникал внутрь сквозь щели, зиявшие в стенах. Глянув вверх, я заметил, что потолок исчез, а верхние этажи развалились. Крыши не было, и косые лучи освещали своим зеленым светом уцелевшие камни.

Глава XIX

Конец Солнечной Системы

От выступа в стене, где прежде были окна, через которые я увидел тот первый зловещий рассвет, я заметил теперь, что Солнце сделалось много большим, чем когда звезда впервые озарила наш мир. Столь велико было оно, что край его диска почти касался горизонта. Мне казалось, что оно сделалось ближе. Зеленый свет на замерзшей земле становился все ярче.

Так оставалось долгое время, а потом я вдруг понял, что Солнце становится меньше, как некогда это было с Луной. Только треть его освещенной поверхности теперь была обращена к Земле. Звезда уходила по левую руку.

Но мир поворачивался, и звезда вновь вспыхнула перед домом, а от Солнца осталась огромная дуга зеленого пламени. Звезда еще оставалась на небе. А потом Земля вошла во тьму – в тень Солнца, – и настал мрак, черный, беззвездный и нестерпимый.

В душе бушевали мысли, я с тревогой глядел на небо и ожидал. Годы прошли, должно быть, и тут в темном доме за моею спиною исчезло безмолвие. Я услышал негромкий топоток многих ног, неразборчивый тихий шепот. Обратившись во тьму, я увидел перед собой множество глаз. Я глядел, и число их росло... казалось, они приближались. Какой-то миг я не мог шевельнуться. И вдруг жуткое свиное хрюканье нарушило тишину вечной ночи; тогда я выскочил в окно – на заснеженную равнину. Помню, как бежал куда-то, а после – ждал. Несколько раз до меня доносились вопли – но всегда издалека. Однако кроме этих звуков ничто более не могло намекнуть на положение Дома. Время шло. И я не ощущал ничего – только холод, безнадежность и страх.

Век миновал, наверное, и далекое сияние возвестило о приближении дня. Оно усиливалось, и вдруг первый луч зеленой звезды во всем внеземном великолепии вырвался из-за темного края Солнца и осветил простиравшийся передо мной мир. Озарил он и огромные руины, что располагались в двух сотнях ярдов от меня. Это был Дом. И – о ужас! – по стенам его ползали мерзкие твари, почти закрывавшие своими телами древние стены от основания стен до макушек покосившихся башен. Так я вновь увидел Свинорылов.

Мир весь открылся свету звезды... теперь она занимала четверть всего небосклона; жуткой была ярость лучей ее, наполнявшая небо огненными трепещущими языками; и тут я снова увидел Солнце, находившееся так близко, что наполовину скрывалось под горизонтом, и пока наш мир огибал его, возвышалось над землей пламенеющим изумрудным куполом. Время от времени я поглядывал в сторону дома, но Свинорылы не замечали меня.

Годы медленно проходили, земля уже почти добралась до центра солнечного диска. Лучи Зеленого Солнца – так подобало называть это светило – пронзали щели между камнями древнего дома, словно полыхавшего зеленым огнем. Свинорылы все еще возились на стенах.

Вдруг они подняли невероятно громкое хрюканье, и из сердцевины лишенного крыши Дома вверх ударил столб кроваво-красного пламени. Как и прежде, кривые башни и башенки вспыхнули алым огнем, отражая лучи. Свет Зеленого Солнца ложился на руины, мешаясь со зловещим багрянцем; над домом словно бы вспыхнул багряно-зеленый костер.

Завороженный, следил я за ходом событий, пока предчувствие близкой опасности не охватило меня. Я поглядел вверх и понял, что Солнце сделалось ближе – и уже словно нависало над миром. И тогда – уже не знаю как – был я вознесен в таинственные высоты,

словно пузырек в потоке лучей.

Далеко подо мною оставалась земля и пылающий дом, извергавший теперь пламя горою. Вокруг него рдела земля, кое-где над нею плыли тяжкие клубы желтого дыма. Словно бы вспыхнул весь мир наш, подожженный в одной точке. Смутно маячили силуэты Свинорылов. Им вроде бы ничего не грозило. И вдруг земля подалась и обрушилась... вместе с домом и гнусными тварями; все кануло в недра земные, лишь странное кровавое облако поднялось к небесам. Тут я вспомнил про адову Яму под домом.

Теперь я мог оглядеться. Горой надо мной нависало Солнце. Расстояние между ним и Землей быстро таяло. И вдруг наша планета словно рванулась вперед. За какой-то миг пересекла она расстояние, отделявшее ее от Солнца. Я не услышал ни звука. Только с поверхности Солнца взметнулся острый язык ослепительно яркого пламени. Он все рос и рос, устремляясь к самому Зеленому Солнцу, огненным потоком прорезая зеленый свет. Достигнув своего предела, пламя осело, оставив на поверхности Солнца раскаленное добела пятно – могилу Земли.

Теперь Солнце было уже рядом со мной, но я поднимался, и вот уже понесся над ним – в пустоте. Зеленое Светило стало огромным и заполнило впереди нас все небо. Глянув вниз, я заметил, что наше старое Солнце как раз находится подо мною.

Год миновал, а может быть, и столетие, и я парил одиноко. Солнце было передо мною – огромная тусклая масса на фоне великолепия Зеленого Светила. Возле края Солнца еще тускло светилось пятнышко, оставленное упавшей Землей. И я заметил, что давно уже мертвое Солнце все еще вращается, пусть и неторопливо.

Справа от меня временами мелькал белый свет. Долго не понимал я, привиделся мне он или нет. И вдруг с новым удивлением заметил, что свет не померещился мне, что он существует взаправду. Свет становился ярче, и вот наконец посреди зеленых лучей возник шар нежнейшего белого цвета. Шар приближался, и я заметил, что он укрыт мягким облачным покрывалом. Шло время.

Я поглядел вслед уменьшающемуся Солнцу, темным пятнышком на лице Зеленого Светила казалось оно. Я смотрел ему вслед, а Солнце становилось все меньше, оно словно бы уже летело навстречу колоссальному шару с невероятной быстротой. Я внимательно глядел на него и ждал... что-то будет? С великим волнением понял я, что Солнце падает на Зеленое Светило. Солнце сделалось уже размером с фасолину, и, ожидая завершения жизни нашей планетной системы, всей душой воззвал я к улетающей звезде, много эонов освещавшей наш мир со всем множеством его радостей и скорбей, а ныне...

И вдруг что-то оказалось передо мною, и я не увидел финала спектакля, которого ожидал всей душой. Я не видел, чем кончилась жизнь нашего Солнца, но, памятуя о том, что стало со мной после, не могу сомневаться: наше дневное светило кануло в странное пламя Зеленой Звезды и сгнуло в нем.

И тут я подумал, что колоссальное Зеленое Пламя и есть Солнце Солнц – Великое Солнце, вокруг которого обращается и наша вселенная, и несчетное множество прочих. Мысль эта повергла мой разум в смятение. А потом я подумал, что Солнце, наверное, уже встретило свой конец, и решил, что Зеленое Солнце хоронит в себе все мертвые звезды. Мысль эта отнюдь не показалась мне странной – скорее возможной... и весьма вероятной.

Глава XX

Сферы небесные

Долго думы теснились в душе моей, и, ничего не воспринимая, я взирал перед собою. Сомнения, удивление и грустные воспоминания одолевали меня.

А потом я словно очнулся и в изумлении огляделся. И вдруг увидел такое, что с трудом поверил себе, погруженному в будущее море привычных мыслей. Из небесной зелени текла безграничная река покойно мерцающих светил, и каждое из них было укрыто чудным облачным покрывалом. Надо мной и подо мной светили они, разбегаясь в неизведанную даль, и не только скрывали собою Зеленое Солнце, но погрузили меня в мягкий свет, какого не приходилось мне видеть ни прежде, ни после.

Вскоре я заметил, что сферы эти как бы прозрачны... словно сложены из затуманенного хрустала, внутри которого что-то тихо и нежно мерцало. Они проплывали мимо, не торопясь, – как будто вся вечность была перед ними. Долго следил я за ними, но не видел конца таинственной череды. Временами среди облаков замечал я лики, словно бы и реальные и одновременно складывавшиеся из той же туманной дымки, что их окружала. Долго следил я за ними, чувствуя удовлетворение. Не ощущал я теперь прежнего одиночества, что целые кальпы годов властвовало надо мною. Нарастало ощущение блаженства, и рад бы я был вечно плыть посреди этих небесных сфер.

Века проходили, и я видел туманные лица, видел все чаще и все отчетливее. Возможно, душа моя просто привыкла к окрестностям – не знаю ответа. Но если и так, теперь я знаю только одно: меня окружала тогда новая тайна... я оказался на Порубежье, на грани с неведомыми мне мирами... с тонкой и непостижимой формой существования.

Немыслимый поток сфер небесных тек мимо меня... их были несчетные миллионы, но новые все приближались, и не было им конца... не ослабевал этот ток.

И тогда меня, покоившегося на недвижном эфире, вдруг понесло к одной из мимолетных сфер. Мгновение – и я уже оказался возле нее. И вдруг оказался внутри, не ощутив даже малейшего сопротивления. Поначалу я не смог ничего увидеть – и ждал.

Наконец безмятежную, невообразимую тишину нарушил какой-то звук. Это спокойно дышало море, тихо вздымаясь и опадая во сне. Туман, затмевавший мое зрение, медленно рассеивался, и передо мною снова возникла безмолвная поверхность Моря Сна.

Я озирался и не мог поверить своим глазам. Огромный шар бледного пламени, как и прежде, висел над туманным горизонтом. Слева за морем виднелась тоненькая полоска, я узнал этот берег, на котором встречался со своею Любовью во времена, когда скиталась душа моя, при жизни Земли.

И тут я ощутил беспокойство, вспомнив о бесформенной твари, обитавшей на берегах Моря Сна, хранительнице безмолвных, не знающих эхо краев. Вспомнил я и остальное, сомнений не оставалось: я вновь глядел на то же самое море. Уверившись в этом, я ощутил удивление, радость и ожидание: ведь меня вновь ожидала встреча с Любовью. Я принялся озираться, но ее нигде не было видно. И на время я утратил надежду. Лихорадочно помолвившись, я вновь огляделся в смятении... спокойным оставалось море.

Внизу, в глубине под собой, видел я следы переменчивых огоньков, что некогда привлекли взгляд мой. В рассеянии гадал, что они из себя представляют... вспоминал, что

хотел спросить об этом у Единственной и Дорогой, как и о многом другом... но был вынужден с ней расстаться, не сказав и половины из того, что хотел.

И вдруг мысли мои возвратились назад. Я почувствовал прикосновение. И обернулся. Боже мой, Ты действительно милостив – это была она! И со страстью глядела она в мои глаза, а я всей душой к ней стремился. Мне хотелось обнять ее... но небесная чистота лица не позволяла прикосновений. И тут она сама протянула навстречу мне руки из дымки, окружавшей ее. Тихим дуновением ветра, шевелением облачка прозвучал голос ее. «Любимый!» – проговорила она. И только, но я слышал ее, и не мог не обнять.

Быстро говорила она и о многом, а я только внимал. С жадностью... как внимал бы, если бы говорила она столетие за столетием. Временами я шептал что-то в ответ, и звуки моего голоса возвращали на лицо ее неописуемо деликатный ответ любви. А потом я заговорил сам, и теперь внимала она, давая чудный ответ на каждое слово... так и побывал я в раю.

Мы были вдвоем, и никого более... лишь безмолвная пустота над нами видела нас, а слышали только тихие воды Моря.

Давно уже пропали окутанные облаками небесные сферы. А мы все глядели в сонные глубины... вдвоем. Един Господь... и когда-нибудь мы вновь соединимся, но никогда не почувствуем впредь одиночества. Она была со мной, а я с ней. Пережитые зоны состарили меня, и лишь это воспоминание вместе с горсткой других дает мне силы пережить все еще разделяющие нас немногие годы.

Глава XXI

Темное солнце

Не знаю, долго ли души наши покоились в объятьях блаженства... наконец я пробудился от сладостного сна: озарявший Море Сна мягкий и тихий свет начал тускнеть. Предчувствуя новую тревогу, я повернулся к огромному белому шару. На одной стороне его появилась темная округлая впадина, словно черная тень пробегала по лику светила. Память немедленно подсказала: именно так приходила тьма и перед нашим последним прощанием. Вопрошая, я обернулся к Любви своей. И с нахлынувшей скорбью заметил, сколь призрачным и нереальным за этот короткий миг сделался ее силуэт. Голос ее доносился откуда-то издалека, и руки лишь легким ветерком касались меня.

Тем временем затмилась уже почти половина огромного диска. Отчаяние охватило меня: неужели же и на этот раз она покинет меня? Неужели исчезнет, как исчезала прежде. С тревогой... с испугом я спрашивал, а она старалась держаться поближе и странным, далеким голосом говорила, что должна оставить меня прежде, чем Солнце Тьмы – так она именовала его – закроет свет Солнца. Страхи мои подтвердились, меня одолело отчаяние, и в безмолвии глядел я на спокойные хляби тихого моря.

Быстро набегала тьма на лик Белого Светила. Но для человеческого разумения все совершалось бы непостижимо долго.

Наконец лишь полумесяц бледного света тусклыми лучами своими озарял Море Сна. И все это время она обнимала меня, но такой нежной была ее ласка, что я едва мог заметить прикосновения. Так мы ждали вдвоем – я и она, – онемев от жестокой печали. И в полумраке лицо ее казалось мне тенью, тающей в окружавших нас сумерках.

А когда лишь узкий серпик остался над морем, она отпустила меня и ласково оттолкнула. Голос ее прозвучал: – «Я не смею более оставаться, мой милый», – тихим рыданьем.

И она поплыла прочь, растворяясь в ночи. Только голос доносился еще из теней – уже издалека...

– Ждать осталось недолго... – и растаял вдали. Разом ночь опустилась на Море Сна, и вдали – по левую руку – заметил я тихий свет, тут же исчезнувший. И как только пропал он, я понял, что более не парю над спокойным морем, и опять очутился в безграничном пространстве, но Зеленое Солнце теперь закрыто от меня черной огромной сферой.

В беспредельной тревоге глядел я на кольцо языков зеленого пламени, окружавшее теперь черный диск. Погруженный в смятение, я не мог – тем не менее – не удивиться. Туча вопросов одолевала меня. Но я думал о ней – о той, с которой внезапно расстался, – а не о том, что теперь было явлено моему взору. Горе и мысли о будущем наполняли мою душу. Неужели я обречен на вечную разлуку с нею? В прошлом, в наши земные дни, она не долго пробыла моею. А потом оставила меня – навсегда, как я думал тогда. И с тех пор наши короткие встречи случались лишь на берегах Моря Сна.

Жгучая скорбь мешалась с мелочными вопросами. Почему не могу я немедленно последовать за Любовью моей? Зачем держать нас в разлуке? Почему я должен жить столько лет в одиночестве, пока она покоится на лоне Моря Сна? Моря Сна?! И горечь сердца моего обратилась новым путем, к новым вопросам. Где оно? Где искать это море? Только что

расстался я с Любовью моей над его ровной гладью, и, вот, нет этого моря. Но ведь оно не может быть далеко. И где расположено Белое Светило, которое видел я прежде, чем на него упала тень Солнца Тьмы? Взгляд мой упал на Центральную Звезду – она затмилась. Что могло затмить ее? Неужели вокруг Светила кружит и огромная мертвая звезда? Неужели Центральная – так я привык уже называть ее – не одинока? Мысль эта явилась незваной... но разве подобное невозможно?

Мысли мои возвратились к Белому Светилу. Странно, что и оно... Я замер – меня озарило. Белое Светило и Зеленое Солнце? Не одна ли это звезда. Воображение мое вернулось назад – к той светящейся сфере, к которой загадочным образом привлекло меня. Странно... как сумел я забыть такое, пускай и на миг? А где тогда остальные? Я опять подумал о сфере, в которой только что я побывал. Я подумал еще, и все стало яснее. Я понял, что, попав внутрь этой сферы, оказался внутри мира с иными, прежде сокрытыми от меня измерениями. В нем тоже светило Зеленое Солнце – огромной сферой бледного, белого пламени... словно бы призрак, а не плоть светила.

Долго размышлял я об этом. И припомнил, что, вступив в пределы той сферы, я немедленно потерял остальные из вида. И я все старался припомнить иные детали.

Через некоторое время мысли мои обратились к иному предмету... к тому, что происходило передо мной, и впервые увидел все зрячим взором. Бесчисленные фиолетовые лучи, исходившие из огненной кромки Зеленого Светила, прорезали пространство. Я различал все новые и новые, их было не сосчитать. Веером пронзали они ночь, расходясь от Зеленого Солнца. Я понял, что вижу их потому лишь, что затмение укрыло яростный лик светила. Лучи тянулись в пространство и таяли в нем.

Но я все глядел и видел теперь, что в лучах ярким огнем вспыхивают мелкие точки. Многие из них словно бы удалялись от светила, другие же приближались, но каждая своим путем, следуя собственному лучу. Скорость их была колоссальна... лишь вблизи – возле Солнца – мог я видеть эти приближавшиеся или удалявшиеся пылинки. На удалении движение делало их черточками яркого света внутри фиолетового луча.

Лучи эти и точки весьма заинтересовали меня. Куда исходили они в таком обилии? Я подумал о мирах, парящих в пространстве.

...А эти искры? Вестники! Вы скажете – невероятно, но я думаю, что видел вестников! Посланников Центрального Солнца!

Медленно оформлялось понимание. Так, значит, Центральное Солнце и есть обиталище высшего... высочайшего Разума! Мысль эта потрясала. Я помнил те из своих видений, где стоял перед Ним... Тем, кому нет имени. Неужели я у порога обиталища Предвечного? Долго в тупости своей отвергал я такое – слишком невероятной казалась такая честь... и все же.

Приступили колоссальные... могучие мысли. Я сделался наг. И трепет... перед ликом Его потряс мою душу.

Небо!.. Разве можно такое придумать!

Мысли металась, прибегали и уносились... Я думал о Море Сна и о ней! Небо... и я вновь вернулся к тому, что было вокруг. Из тьмы позади меня вдруг вынырнуло огромное черное тело, Мертвая Звезда. Безмолвно стремилась она к месту своего погребения. И загородила от меня Центральное Солнце, так что я вновь очутился в непроницаемом мраке.

Век миновал, и я вновь увидел фиолетовые лучи. Много позже – должно быть прошли эпохи – впереди засветилось кольцо, и диск удаляющийся звезды темным пятном обрисовался на нем. Так я понял, что пришлица устремляется к Центральной Звезде. Яркий

край Зеленого Солнца вновь засветился среди мрака ночи. Звезда исчезла в тени Мертвого Солнца. А потом я ждал. Странные годы тянулись, а я все следил...

И наконец случилось то, что я ожидал... вдруг полыхнуло ослепительное пламя. Язык белого пламени пересек черную пустоту. Не знаю, сколько времени рос в пространстве этот огненный гриб. А потом он перестал расти. Прошло какое-то время, и начал он медленно оседать к огромному раскалившемуся пятну, что рдело у центра Темного Солнца. Могучие языки пламени еще полыхали над ним. Но могила упавшей звезды казалась мне на огромной туше Мертвого Солнца огоньком Юпитера в просторах небесного океана.

Скажу одно – никакому миру не явить воображению размеров обоих Центральных Светил.

Глава XXII

Темная туманность

Шли годы, сливались в столетия и эоны. Свет, исходивший от могилы погибшей звезды, обрел яростную красноту.

Наконец я увидел темную туманность, возникшую справа облаком тьмы... Медленно росло в ночи пятно мрака. Сколько ждал я, невозможно сказать, ведь время, каким мы знаем его, ушло в прошлое, а пятно приближалось – чудовищем, жутким колоссом, сложившимся из густейшего мрака. Словно во сне скользило оно... адовой пеленою. Страх и трепет охватили меня – и новое удивление.

Зеленые сумерки, что царили вокруг несчетные миллионолетия, начинали уступать непроницаемому мраку. Недвижный, оглядываясь я окрест. Столетие пробежало – а мне лишь казалось, что вдали изредка вспыхивают мрачные красные сполохи.

Я усердно глядел и наконец сумел заметить округлые силуэты миров, на которых под черными облаками багрянело тусклое пламя. Из небесного мрака приближались они ко мне. Вот и они уже сделались яснее для моего зрения. Я видел их... отчетливо видел: кровью отливающие шары, размером подобные тем сферам, что когда-то прошли передо мной. И мимо меня. Странное смятение неторопливо охватило мою душу. Я познал отвращение... ужас! Эти миры внушали мне только подобные чувства – скорее знанием сердца, а не доказательствами разума.

Некоторые из мимолетных миров казались мне ярче, и вдруг с одного из них на меня поглядело лицо. Человеческое, но такой мукой были искажены черты его, что я не мог отвести глаз. Я не знал еще, что возможна такая тоска. И то, что остальные шары вокруг оставались безликими, лишь увеличивало ее. Долго видел я это лицо, наконец и оно кануло в обступивший мрак. Потом я видел и других – с той же безнадежной мукой на слепых лицах...

Долго двигалось время, и наконец осознал я, что нахожусь ближе к мрачным шарам, чем это было прежде. Это вселило в меня тревогу, хотя теперь я уже не так сильно боялся этих странных шаров, ибо сострадание к скорбным узникам смягчило мой страх.

Меня увлекало к кровавым сферам – сомнений уже не оставалось, – и вот я уже плыл между ними. Одна из них все приближалась, и я не мог избежать ее. Через какую-то минуту она оказалась совсем рядом, и меня вовлекло в кроваво-красную мглу. Та вдруг разошлась, и подо мной оказался беспредельный простор Равнины Молчания, а над нею царили те же уныние и тишина, что так поразили меня во время предыдущих скитаний. Наконец из рудой мглы выросли могучие пики гор, разошедшиеся амфитеатром, где немислимо давно были явлены мне ужасы, лежащие в основе многих вещей, где, безмолвный и громадный, высится тот таинственный дом, подобие которого на глазах моих было пожрано пламенем ада, прежде чем слились в поцелуе Земля и Солнце, где наблюдают за ним немые боги.

Гребень горного амфитеатра я заметил задолго, но нижняя часть его проступила не скоро. Возможно, мешала жуткая ржавая мгла, обволакивавшая поверхность Равнины. Впрочем, наконец я увидел их.

Через какое-то время я оказался уже возле гор, вершины теперь нависали над моей головой. И великое ущелье разверзлось передо мною... не желая того, я стремился к нему.

Наконец я очутился на просторной арене... милях в пяти высился дом, огромный, чудовищный и молчаливый, находящийся в самом центре колоссального амфитеатра. Я отметил, что дом вовсе не переменялся... словно бы я только вчера побывал здесь. Вокруг суровые темные горы хмурились и молчали.

Вдалеке от меня – по правую руку – высился колоссальный силуэт ослоголового бога. Над ним в тысячах фатомов^[17] над моей головой из кровавой мглы вздымался жуткий силуэт богини. Слева я увидел чудовищную безглазую тварь, серую и не познаваемую взглядом. Еще дальше на узком карнизе нежился фиолетовый вурдалак – мерзкое пятно, гнусным своим цветом выделявшееся на фоне темных гор.

Медленно плыл я через огромную арену. И различал над собою прочие ужасы, что населяли высоты.

Постепенно я приблизился к дому, и мысли мои вернулись назад через пропасть неисчислимых лет. Вспомнился призрак этого дома. Немного времени миновало, и стало заметно, что меня несет прямо к безмолвной каменной громаде.

Тут я как бы онемел, словно исполнился полного безразличья, лишившего меня страха, без которого нельзя было приблизиться к этой огромной башне. И я спокойно взирал на нее, как ожидает бедствия человек, одурманенный клубами табачного дыма.

Скоро я уже оказался так близко к дому, что был способен различить во множестве детали его. И чем больше смотрел я, тем более подтверждалось впечатление тождества прежнего обиталища моего и этого дома. Ни в чем кроме размера не мог я увидеть отличий.

И вдруг великое изумление наполнило мою душу: позади дома, против двери в кабинет, я увидел возле порога огромный камень, по размеру и цвету в точности похожий на тот, что сбросил я в битве своей с порождениями Ямы.

Я подплывал ближе, и удивление мое увеличивалось – дверь была частично сорвана с петель... точно так Свинорылы вдавили внутрь дверь моего кабинета. Одна за другой сменялись думы, и я начинал уже подозревать, что нападение на этот вот дом может иметь куда более глубокий смысл, чем смел я прежде предположить. Я вспомнил вдруг, что давно, еще в земные дни свои, успел заподозрить, что дом мой необъяснимым образом связан с огромным сооружением, расположенным в загадочном Амфитеатре между гор, поднимающихся посреди неизмеримой равнины.

Но теперь я счел прежние свои подозрения излишне робкими. С нечеловеческой ясностью ощущал я, что отраженная мной атака таинственным образом связана с нападением на это сооружение.

Со странной непоследовательностью мысли мои немедленно отклонились в сторону – к странному материалу, из которого был сооружен дом. Как я упоминал прежде, он имел глубокую зеленую окраску. Но теперь, оказавшись ближе, я заметил, что она словно трепещет – подрагивает и исчезает, как светятся пары фосфора, если в темноте потереть им руку.

Наконец внимание мое привлек к себе огромный вход. Тут я впервые по-настоящему испугался: огромные двери вдруг распахнулись, и, беспомощный, я вплыл внутрь. Внутри царила тьма... черная, осязаемая. Едва я пересек порог, двери мгновенно захлопнулись, оставив меня без света.

Долго парил я во тьме, ни разу не шевельнувшись. И потом заметил, что двигаюсь снова, но куда – трудно было понять. Вдруг откуда-то снизу донеслось до меня неразборчивое бормотание, это смеялись Свинорылы. Хохот их смолк, и ужас наполнил последовавшее

молчание.

Тогда где-то впереди отворилась дверь, яркий свет хлынул навстречу, и я медленно вплыл в комнату, показавшуюся мне странно знакомой. И вдруг странный, невыносимый визг оглушил меня, огненной чередой мимо взора промчались видения. Я был ошеломлен, и какой-то момент ничего не видел. А потом власть над зрением возвратилась... я прозрел, и рассеялся туман, и исчезло головокружение.

Глава XXIII

Рыжик

Я сидел в кресле, в своем кабинете. Глаза мои блуждали по комнате. Какую-то минуту она странно дергалась передо мной – нереальная и невещественная, потом это чувство исчезло, и я увидел, что ничего не изменилось. Я поглядел в окно напротив – штора была поднята.

Я неуверенно поднялся на ноги. И тут донесшийся от двери легкий скрип привлек к себе мое внимание. Я глянул на звук. На какое-то мгновение мне показалось, что дверь, скрипя, закрывалась. Я поглядел внимательнее – нет, она была заперта.

Приложив немало усилий, я добрался до окна и выглянул наружу. Солнце только вставало над перепутанными зарослями сада. Минуту, должно быть, я стоял и глядел. А потом рука моя в смятении провела по лбу.

Вдруг, невзирая на хаос мыслей, меня озарила мысль, обернувшись, я окликнул Рыжика. Ответа не последовало, и я, пошатываясь, в страхе бросился к двери. И все пытался позвать его снова, но губы мои онемели. Я добрался до стола и склонился над ним – и сердце мое замерло. Пес лежал в тени стола, и от окна я не видел его. И вдруг... дыхание мое пресеклось. Рыжика не было – только продолговатая кучка серого могильного праха...

Так, нагнувшись, стоял я не одну, должно быть, минуту. Я был ошеломлен и потрясен. Рыжик и в самом деле отправился в страну теней.

Глава XXIV

Шаги в Саду

Рыжик умер! Даже сейчас я не могу еще в это поверить. Много недель минуло после моего возвращения из странного и жуткого путешествия через пространство и время. Иногда оно мне снится, и я заново переживаю в уме кошмарное приключение. Это великое Солнце... нет, скорее два Солнца... неужто они действительно расположены в самом центре вселенной, медленно обращающейся вокруг них? Кто мог бы это сказать? А ясные сферы, плывущие в свете Зеленого Солнца! А Море Сна, над которым они плывут! Трудно было бы поверить во все это. Если бы не Рыжик, даже после всех открывшихся мне непостижимых картин, я, конечно, решил бы, что передо мной развернулся немислимый сон. А потом эта жуткая и мрачная туманность, с легионами кровавых сфер, таящихся в вечной тени за колоссальной тушей Черного Солнца. И лица, что глядели на меня из них. Боже, неужели, все это действительно существует? Ответом была кучка праха на полу моего кабинета. Я так и не тронул ее.

Временами, успокаиваясь, я думал, о судьбе внешних планет Солнечной Системы. Не умчались ли они в космос, вырвавшись из притяжения Солнца. Впрочем, это всего лишь догадка – я по-прежнему не знаю о многом.

Но теперь я намерен своей рукою записать то, что знаю воистину: скоро случится нечто ужасное. Событие, случившееся прошлой ночью, вселило в мою душу куда больший ужас, нежели прежде Яма. Я опишу по порядку все, что было, а потом внесу необходимые добавления. Впрочем, я ощущаю, что последнее событие куда важнее всех прочих. Я волнуюсь и нервничаю даже сейчас – за записками. Похоже, что смерть моя уже неподалеку. Не то чтобы я боялся ее – той смерти, которую знают все. Нет, в воздухе я ощущаю нечто иное, не страх – ужас, хладный и неотвратимый. Это случилось вчера, все было так.

Прошлой ночью я опять сидел за своими записками в кабинете. Дверь, ведущая в сад, оставалась полуоткрытой. Временами слабо побрякивала цепь – после смерти Рыжика я купил себе другого пса. Нет, в доме я его не держу... после Рыжика-то. Просто я решил, что в доме должна быть собака. Удивительные это животные...

Я был поглощен работой, время летело, и вдруг снаружи на дорожке в саду послышались крадущиеся звуки: топ-шлеп, топ-шлеп. Я быстро выпрямился и выглянул в открытую дверь. Вновь послышалось топ-шлеп, топ-шлеп. Звук приближался. С беспокойством я разглядывал Сады, но ночь уже укрыла их.

Тут пес взвыл, и я вздрогнул. Минуту, быть может, я прислушивался, но все было тихо. Беспокойство мое усилилось: я подумал, что звуки, должно быть, производил мой пес, разгуливавший на цепи вокруг конуры.

Прошло около четверти часа, и пес взвыл опять – с такой жалобой и тоской, что я подскочил, уронив перо и капнув чернилами на страницу, над которой работал.

– Черт бы побрал этого пса! – пробормотал я, заметив, что натворил. И только я вымолвил эти слова, вновь послышались эти странные звуки... топ-шлеп, топ-шлеп. Они прозвучали до жути близко – рядом с самой дверью, как мне показалось. Теперь я уже знал, что пес ни при чем, цепь не дала бы ему настолько приблизиться к дому.

Пес снова взвыл, и подсознанием я отметил в голосе его отзвуки страха.

Снаружи на подоконнике я заметил кота. Тип, любимец моей сестры, вдруг вскочил на ноги, трубой поднимая хвост. Какой-то миг он неотступно глядел в направлении двери, а потом стал пятиться, отступая вдоль подоконника, и, наконец, уперся в камень спиной, потому что более отступать было некуда. И застыл так, оцепенев в непередаваемом ужасе.

Удивленный и озадаченный, я взялся за палку, стоявшую в коридоре и бесшумно отправился к двери, прихватив с собой одну из свечей. До двери оставалось лишь несколько шагов, и тут на меня накатила непередаваемый, буквально физически ощутимый страх, для которого – казалось бы – не имелось причин. Но так велик был мой ужас, что я немедленно отступил, не отворачиваясь от двери. Дорого дал бы я, чтобы только бы добраться до нее, чтобы только захлопнуть... задвинуть запоры; я ведь починил и как следует укрепил эту дверь, ставшую теперь еще более прочной, чем прежде. Ничего не сознавая, как Тип, я отступал спиной вперед, пока наконец стена не остановила меня. Вздвогнув, я нервно огляделся по сторонам. Взгляд мой остановился на стойке с ружьями, и я даже шагнул в ее сторону, но остановился, почему-то сообразив, что такое оружие окажется бесполезным. Снаружи в саду незнакомым голосом застонал пес.

И тут кот издал отчаянный пронзительный вой. Со страхом я поглядел в его сторону. Нечто призрачное и светящееся обволакивало его, на глазах моих превращаясь в пылающую прозрачную длань, по которой перебегали зеленоватые язычки пламени. Издав жуткий предсмертный вопль, кот вспыхнул и задымился. Дыхание оставило меня, и я привалился к стене. За той самой частью окна теперь зеленело пятно фантастических очертаний. Оно скрыло все от меня, впрочем, пламя все-таки пробивалось. Запах горелой плоти вполз в мою комнату.

[Купить полную версию книги](#)

| |
|-------|
| notes |
|-------|

<http://www.thenightland.co.uk>

Для тех, кто хотел бы лучше узнать автора и его произведения, рекомендуем данный сетевой ресурс: <https://williamhopehodgson.wordpress.com/>

Лист бумаги формата 13x16 см.

Длинное пальто с поясом.

Явная бессмыслица. До сих пор в Манускрипте не упоминается о других женщинах, кроме сестры рассказчика... может быть, смысл этих слов станет понятнее из дальнейшего изложения. – *Прим. английского издателя.*

Здесь текст становится неразборчивым, так как Манускрипт поврежден. Ниже я помещаю то, что удалось разобрать. – *Прим. английского издателя.*

¹ Самые упорные старания не позволили мне расшифровать больше. Манускрипт вновь поддается прочтению, начиная с главы под заглавием «Шум в ночи».

Отшельник говорит это в сравнении, полагаясь на общее представление о кометах.

Далее о Луне не упоминается. Из содержания Манускрипта можно понять, что вечная спутница удалилась от нашей планеты. Возможно, она даже рассталась с Землей. К сожалению, я не могу подробнее осветить этот вопрос. – *Прим. английского издателя.*

Очевидно, замерзшего воздуха. – *Прим. английского издателя.*

Этим утверждением обосновывается появление снега (?) в комнате. – *Прим. английского издателя.*

Полагаю, что и здесь и далее Отшельник уже не упоминает о движении солнца на север и юг (кажущемся, конечно) от солнцестояния до солнцестояния. – *Прим. английского издателя.*

Поскольку в это время передающая звук атмосфера или крайне разрядилась, или – что более вероятно – исчезла, едва ли звуки эти относились к числу воспринимаемых плотским слухом, который мы почитаем за истинный. – *Прим. английского издателя.*

Остается лишь предположить, что время, за которое Земля совершает свой ежегодный путь вокруг Солнца, потеряло свою нынешнюю относительную связь со временем вращения нашего Светила вокруг оси. – *Прим. английского издателя.*

Тщательный анализ Манускрипта указывает, что Солнце или двигалось по очень удлиненной орбите, или же подходило к звезде по сужающейся траектории. Наверно, в описываемый момент гравитационное притяжение огромной звезды сорвало Солнце с плавной орбиты. – *Прим. английского издателя.*

Тщательный анализ Манускрипта указывает, что Солнце или двигалось по очень удлиненной орбите, или же подходило к звезде по сужающейся траектории. Наверно, в описываемый момент гравитационное притяжение огромной звезды сорвало Солнце с плавной орбиты. – *Прим. английского издателя.*

Фатом, или морская сажень, равен шести футам, или приблизительно 1,83 метрам.